

ГЛАВА XXVII.

Разумъ и умозаключеніе ¹⁾.

А. Пусть же постоянство это утвердится въ тебѣ какъ возможно скорѣе: такъ пріятна мнѣ высказанная тобою мысль! Но пока будь какъ можно болѣе внимательнымъ къ тому, что я хочу говорить. Спрашиваю у тебя, какое, по твоему мнѣнію, различіе между разумомъ и умозаключеніемъ? Е. Я недостаточно силенъ, чтобы указать это различіе. А. Въ такомъ случаѣ скажи, полагаешь ли ты, что человѣку уже юношѣ, или мужу, пожалуй даже (чтобы сказать безъ всякой околичности) мудрому, если только умъ у него здравъ, разумъ присущъ безъ всякой перемежки, какъ здоровое, на примѣръ, состояніе тѣлу, если оно не страдаетъ отъ язвы и отъ ранъ; или напротивъ, какъ способность, на примѣръ, ходить, сидѣть, говорить, можетъ то проявляться, то не про-

¹⁾ *Ratio et ratiocinatio*. Весь этотъ трактатъ о разумѣ и его дѣятельности будетъ недостаточно понятенъ, если не имѣть въ виду особенностей латинскаго языка, которыми онъ непосредственно вызванъ. Дѣло въ томъ, что словомъ *ratio* у римлянъ назывался и разумъ, и дѣятельность разума, и результатъ этой дѣятельности, т. е. и разумъ, какъ душевная способность, и умозаключеніе, какъ процессъ разумной дѣятельности, и добытый умозаключеніемъ выводъ, положеніе и пр., какъ слѣдствіе познавательной дѣятельности разума. Чтобы устранить вытекающую изъ этого спутанность понятій, особенно неудобную въ трактатѣ философскаго свойства, бл. Августинъ и останавливаетъ вниманіе своего собесѣдника на другомъ, производномъ отъ *ratio*, словѣ—*ratiocinatio*, при помощи котораго и старается уяснить Евودیю недостаточно имъ понимаемое различіе между разумомъ и дѣятельностію разума. За недостаткомъ въ русскомъ языкѣ производнаго отъ разума слова, соответствующаго латинскому *ratiocinatio*, мы вынуждены замѣнить его въ переводѣ словомъ—умозаключеніе.

Блаженнаго Августина.

являться? Е. Я полагаю, что здравому уму всегда присущъ разумъ. А. Ну, а то, что мы, спрашивая ли другаго, или сопоставляя одно съ другимъ, посредствомъ того, съ чѣмъ согласились и что очевидно само по себѣ, доходимъ до познанія какой нибудь вещи,—то всегда ли дѣлается нами или какимъ бы то ни было мудрымъ? Е. Не всегда. Ибо и всякій человѣкъ, и человѣкъ мудрый, какъ думаю я, не всегда самъ ли то съ собою или съ кѣмъ другимъ, доискивается чего бы то ни было посредствомъ разсужденія: потому что тотъ, кто доискивается, еще не нашелъ; слѣдовательно, если бы онъ всегда доискивался, то никогда бы не находилъ. Но мудрый нашелъ уже по крайней мѣрѣ (чтобы не упоминать о чемъ либо другомъ) саму мудрость, которой, будучи еще глупымъ, доискивался пожалуй и посредствомъ разсужденія, или какимъ могъ другимъ способомъ. А. Ты говоришь вѣрно. Такъ уясни же, пожалуйста, для себя, что то не есть самый разумъ, когда мы посредствомъ чего либо, съ чѣмъ согласились или что знаемъ, доходимъ до чего либо неизвѣстнаго: потому что это, какъ мы теперь согласились съ тобою, не всегда присуще здравому уму; а разумъ присущъ всегда.

Е. Понимаю; но къ чему это? А. А къ тому, что не задолго передъ этимъ ты сказалъ, что я долженъ согласиться съ тобою, что мы имѣемъ знаніе прежде разума, на томъ основаніи, что разумъ, руководя насъ къ неизвѣстному, опирается уже на чемъ нибудь извѣстномъ; между тѣмъ какъ въ настоящее время мы нашли, что это, когда оно дѣлается, не слѣдуетъ называть разумомъ: потому что здравый умъ не всегда это дѣлаетъ, хотя разумъ имѣетъ всегда; а это, пожалуй, правильно называется умозаключеніемъ, такъ какъ разумъ есть своего рода взоръ ума, а умозаключеніе—разумное изслѣдованіе, т. е. движеніе этого взора по всему, что подлежитъ обозрѣнію. Последнее нужно для того, чтобы

найти, а разумъ—чтобы видѣть. Итакъ, когда этотъ взоръ ума, который мы называемъ разумомъ, будучи брошенъ на какой либо предметъ, видитъ его,—это называется знаніемъ; а если умъ не видитъ, хотя и напрягаетъ взоръ,—это называется невѣжествомъ или незнаніемъ. Вѣдь и этими тѣлесными глазами не всякій, кто смотритъ, видитъ; это мы легко замѣчаемъ въ темнотѣ. Изъ этого, полагаю, ясно, что иное дѣло взоръ, и иное дѣло видѣть; въ умѣ эти двѣ вещи мы называемъ разумомъ и знаніемъ. Но, можетъ быть, ты имѣешь сказать что либо противъ этого, или находишь это различіе не достаточно яснымъ? Е. Я доволенъ этимъ различіемъ, и охотно соглашаюсь съ нимъ. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ теперь, для того ли, по твоему мнѣнію, мы бросаемъ взоръ, чтобы видѣть, или для того мы видимъ, чтобы бросить взоръ? Е. Ни одинъ слѣпой конечно не усумнится, что взоръ существуетъ ради того, чтобы видѣть, а не наоборотъ. А. Слѣдовательно мы должны признать, что видѣть имѣетъ гораздо большую цѣну, чѣмъ имѣть взоръ. Е. Нужно признать несомнѣнно. А. Слѣдовательно и знаніе имѣетъ большую цѣну, чѣмъ разумъ. Е. Нахожу это послѣдовательнымъ. А. Полагаешь ли ты, что безсловесныя животныя лучше и счастливѣе людей? Е. Пусть Богъ хранитъ отъ такого крайняго безумія. А. Ты пришолъ въ ужасъ вполне справедливый; но къ этому насъ приводитъ высказанное тобою положеніе. Ты сказалъ, что они имѣютъ знаніе, а не имѣютъ разума. Человѣкъ же имѣетъ разумъ, посредствомъ котораго съ трудомъ достигаетъ знанія. Но пусть онъ достигаетъ и легко; что особеннаго придаетъ намъ разумъ, что мы считаемъ себя выше безсловесныхъ животныхъ, если они имѣютъ знаніе, а знаніе, какъ оказалось, слѣдуетъ цѣнить выше, чѣмъ разумъ?

ГЛАВА XXVIII.

Безсловесныя животныя имѣютъ силу чувства, но не имѣютъ знанія.

Е. Я рѣшительно вынужденъ или не допускать знанія въ безсловесныхъ животныхъ, или признать безъ возраженія ихъ дѣйствительное превосходство надо мною. Но объясни же, мнѣ, пожалуйста, свойство того, что я упомянулъ о собаѣ Улисса: вѣдь удивленіе въ ней-то побудило меня заятъ на вѣтеръ. А. Да неужели ты думаешь, что это знаніе, а не просто только извѣстная сила чувства? Чувствомъ превосходятъ насъ многія безсловесныя (отыскивать причину этого теперь не у мѣста); но умомъ, разумомъ, знаніемъ Богъ поставилъ насъ выше ихъ. Упомянутае чувство въ соединеніи съ привычкою, которая имѣетъ великую силу, можетъ различать то, что подобнымъ душамъ доставляетъ удовольствіе, и можетъ различать тѣмъ легче, что душа животныхъ болѣе привязана къ тѣлу, которому принадлежать эти чувства и которыми она пользуется для жизни и удовольствія, получаемого ею отъ того же самаго тѣла. Душа же человѣческая посредствомъ разума и знанія, о которыхъ у насъ рѣчь и которыя несравненно превосходятъ чувства, возвышается, насколько можетъ, надъ тѣломъ, и охотнѣе наслаждается тѣмъ удовольствіемъ, которое внутри ея; а чѣмъ болѣе вдается въ чувства, тѣмъ болѣе дѣлаетъ человѣка похожимъ на скота. Отъ этого бываетъ, что и плачущія дѣти чѣмъ болѣе чужды разума, тѣмъ легче различаютъ чувствомъ даже прикосновеніе и приближеніе кормилицъ, и не могутъ выносить запаха другихъ женщинъ, къ которымъ не привыкли.

Поэтому, хотя бы я и прервалъ однимъ другое, я съ удовольствіемъ занялся бы бесѣдою такого свойства, которая убѣдила бы душу не погружаться въ чувства болѣе,

чѣмъ сколько требуетъ того необходимость, а отвлекаясь отъ нихъ, сосредоточиваться болѣе въ самой себѣ и младенчествовать въ отношеніи къ Богу. Последнее и значитъ, сослѣдствіе чловѣка ветхаго, сдѣлаться чловѣкомъ новымъ. Начинать этимъ есть прямая необходимость по причинѣ пренебреженія закономъ Божиимъ, и въ божественныхъ Писаніяхъ ничего не излагается съ такою истиною и таинственностію. Я желалъ бы поговорить объ этомъ поболѣе, чтобы, подъ предлогомъ совѣтовъ тебѣ, понудить и себя самаго заботиться лишь о томъ, чтобы отдать себя обратно самому же себѣ, у котораго я особенно въ долгу; а черезъ это сдѣлаться и для Бога, какъ говоритъ Гораций, слугою — другомъ Господину ¹⁾. А последнее рѣшительно невозможно, если мы не преобразуемъ себя по Его образу, который Онъ далъ для сохраненія, какъ нѣчто самое драгоцѣнное и любезное, когда далъ намъ насъ же самихъ такими, что выше насъ нельзя считать ничего, кромѣ Него самаго. На мой взглядъ нѣтъ дѣла, болѣе труднаго къ выполненію, и нѣтъ дѣла болѣе похожаго на прекращеніе дѣятельности: ни предпринять, ни выполнить его душа не можетъ безъ помощи того, кому она отдастъ себя обратно. Поэтому — то чловѣкъ долженъ преобразовывать себя по милосердію Того, чьею благостію и властію онъ образованъ.

Но мы должны возвратиться къ предмету. Находишь ли ты для себя доказаннымъ теперь, что безсловесныя животныя не имѣютъ знанія, и что все то, чему мы удивляемся въ нихъ, какъ имѣющему нѣкоторое подобіе знанія, есть сила чувства? Д. Это дѣйствительно доказано; и если по этому предмету остаются нѣкоторые вопросы, которые слѣдовало бы разрѣшить, я воспользуюсь для того другимъ временемъ; а теперь я желалъ бы знать, какое ты изъ этого выведешь слѣдствіе?

¹⁾ Horat. Serm. lib. II. sat. 7. v. 2 et 3.

ГЛАВА XXIX.

Чѣмъ отличаются между собою знаніе и чувство.

А. А какое другое, по твоему мнѣнію, какъ не то, что вышеприведенное опредѣленіе чувства, заключавшее въ себѣ сперва что-то болѣе, чѣмъ чувство, оказывается въ настоящее время страдающимъ противоположнымъ недостаткомъ, потому что не можетъ обнимать всякое чувство? Ибо безсловесныя животныя имѣютъ чувство, и не имѣютъ знанія; а между тѣмъ, что не укрывается, то познается; а все, что познается, безъ сомнѣнія, относится къ знанію. Со всѣмъ этимъ мы съ тобою уже согласились. Слѣдовательно, или не вѣрно то, что чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души; или его безсловесныя животныя не имѣютъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ знанія. Но мы признали за безсловесными животными чувство. Слѣдовательно неправильно опредѣленіе. Е. Признаюсь, я не нахожу ничего возразить противъ этого.

А. Но обрати вниманіе еще на одно обстоятельство, которое должно заставить насъ еще болѣе стыдиться за это опредѣленіе. Ты помнишь, конечно, что третій изъ указанныхъ тебѣ недостатковъ опредѣленія, безобразіе котораго ничего быть не можетъ, заключается въ томъ, что опредѣленіе является ложнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Таково извѣстное опредѣленіе чловѣка: чловѣкъ есть животное четвероногое. Кто говоритъ и доказываетъ, что всякій чловѣкъ есть животное четвероногое, или—что всякое животное четвероногое есть чловѣкъ, тотъ несомнѣнно сумасшедшій, если не шутить. Е. Ты говоришь правду. А. Ну, а если окажется, что и наше опредѣленіе чувства страдаетъ такимъ же недостаткомъ, не слѣдуетъ ли, по твоему мнѣнію, устранить и выбросить его изъ головы съ большою рѣшительностію, чѣмъ что либо другое? Е. Кто это станетъ отвергать?

Но я не желалъ бы, если это возможно, чтобы ты еще долго удерживалъ меня на этомъ предметѣ и терзалъ своими вопросиками. А. Не бойся ничего. Дѣло уже приведено къ концу. Или, такъ какъ рѣчь идетъ о различіи между безсловесными животными и людьми, ты быть можетъ не убѣдился еще, что иное дѣло чувствовать, иное знать? Е. Даже очень убѣдился. А. Итакъ иное чувствовать, иное знать? Е. Точно такъ. А. Но мы чувствуемъ не разумомъ, а зрѣніемъ, или слухомъ, или обоняніемъ, или вкусомъ, или осязаниемъ. Е. Согласенъ, А. Все же, что мы знаемъ, знаемъ разумомъ; поэтому никакое чувство не есть знаніе. А что не укрывается, то относится къ знанію; слѣдовательно, то, что какая либо вещь не укрывается, также точно не относится къ какому либо чувству, какъ къ какому либо человѣку нельзя правильно отнести названіе четвероногого. Поэтому, то опредѣленіе наше, принятое тобою, какъ оказалось, не только входитъ въ чужую область и опускаетъ кое что свое, но даже вовсе своего не имѣетъ ничего, а содержитъ все чужое. Е. Что же мы станемъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Неужели ты допустишь, чтобы съ этимъ оно и ушло съ твоего суда? Хотя защиту его, какъ могъ, велъ я; но самую формулу процесса, которая обманула насъ, составилъ ты. Если я и не могъ выиграть дѣла, я велъ его по крайней мѣрѣ добросовѣстно: этого для меня достаточно. Но ты, который съ одной стороны побудилъ его смѣло вступить въ тяжбу, а съ другой своими опроверженіями заставилъ съ стыдомъ отказаться отъ ней,—ты что станешь дѣлать, если тебя станутъ обвинять въ злоупотребленіи довѣренностію? А. Да развѣ здѣсь есть какой нибудь судья, котораго я изъ-за этого долженъ былъ бы опасаться? Я, какъ частнымъ образомъ приглашенный юрисконсультъ, хотѣлъ опровергать тебя только для того, чтобы ты запасся нужными свѣденіями, и когда дойдетъ дѣло до суда, явился на него приготовленнымъ.

Е. Такъ стало быть есть нѣчто, что ты можешь сказать въ пользу этого опредѣленія, которое по необходимости ввѣрилъ для защиты и охраненія мнѣ немощному? А. Разумѣется есть.

ГЛАВА XXX.

Изъ того, что душа повсемѣстно въ тѣлѣ чувствуетъ, не слѣдуетъ, чтобы она разлива была по всему тѣлу.

Е. Что же это такое, скажи на милость? А. А вотъ что. Хотя иное дѣло чувство, и иное — знаніе, однако то свойство ихъ, по которому что — либо отъ души не укрывается, обще имъ обонимъ; какъ обще и человѣку, и безсловесному животному, свойство животного, хотя они и весьма различаются между собою. Ибо не укрывается то, что является душѣ, или чрезъ организацію тѣлесную, или чрезъ просвѣтъ умственный; первое составляетъ принадлежность чувства, послѣднее — знанія. Е. Слѣдовательно то опредѣленіе остается неприкосновеннымъ и вѣрнымъ? А. Безъ сомнѣнія, остается. Е. Такъ въ чемъ же была моя ошибка? А. Ошибка была въ томъ, что ты, не обдумавъ какъ слѣдуетъ дѣла, отвѣчалъ утвердительно, когда я спросилъ тебя: все ли то, что не укрывается, познается? Е. А какъ же я, по твоему, долженъ былъ бы отвѣчать? А. Если что либо не укрывается, это не всегда есть знаніе, а лишь тогда, если не укрывается чрезъ разумъ; а если не укрывается чрезъ тѣло, то называется чувствомъ, какъ скоро испытываемое тѣломъ состояніе не укрывается само по себѣ. Развѣ ты не знаешь, что нѣкоторые философы и мужи весьма остроумные полагали, что даже и то, что понимается умомъ, не подходитъ подъ названіе знанія, если пониманіе не будетъ такъ твердо, что поколебать его въ умѣ нельзя будетъ никакимъ доводомъ?

Е. Весьма благодаренъ за это. Но такъ какъ уже со всею, по моему мнѣнію, тонкостію разъяснено, что такое

чувство: то возвратимся, пожалуйста, къ тому вопросу, ради котораго мы входили въ это разъясненіе. Въ доказательство, что душа имѣетъ такой же объемъ, какъ и ея тѣло, я привелъ тотъ аргументъ, что, начиная съ головы и до послѣдняго пальца ноги, она чувствуетъ прикосновеніе всюду, гдѣ бы ты ни сдѣлалъ его; это и послужило поводомъ къ тому, что мы перешли къ опредѣленію чувства, задержавшему насъ весьма надолго, хотя, быть можетъ, это и необходимо для дѣла. Такъ покажи же теперь пользу этого труда, если она есть. А. А несомнѣнно есть, и при томъ весьма большая: все, чего мы добивались, сдѣлано. Для того, чтобы усвоить какъ можно тверже, мы продолжительнѣе, чѣмъ ты желалъ, разсуждали о томъ, что чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души; помнишь ли ты по крайней мѣрѣ то наше открытіе, что глаза чувствуютъ или лучше испытываютъ извѣстное состояніе тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ? Е. Помню. А. Если не ошибаюсь, ты также согласился, или по крайней мѣрѣ не сомнѣваешься, что слѣдуетъ согласиться и съ тѣмъ, что душа гораздо лучше и могущественнѣе, чѣмъ всякое тѣло? Е. Сомнѣваться въ этомъ я дѣйствительно считаю преступнымъ. А. Въ такомъ случаѣ, если тѣло, въ силу нѣкаго соединенія съ душою, можетъ испытывать извѣстное состояніе тамъ, гдѣ не бываетъ, какъ — оказалось — случается это съ глазами въ зрѣніи: то неужели мы душу, благодаря которой обнаруживаютъ такую силу самыя глаза, признаемъ до такой степени грубою и неповоротливою, чтобы отъ ней убывалось испытываемое тѣломъ состояніе, если она не находится тамъ, гдѣ происходитъ самое это испытываемое состояніе?

Е. Это заключеніе сильно поражаетъ меня, и до такой степени сильно, что я становлюсь въ полный тупикъ и не знаю не только чтó отвѣчать, но и того, гдѣ я самъ нахожусь. Въ самомъ дѣлѣ, что я могъ бы сказать? что то не

есть чувство, когда испытываемое тѣломъ состояніе само по себѣ отъ души не укрывается? Но что же такое оно будетъ, если не это? Или что глаза ничего не испытываютъ, когда мы видимъ? Но это крайне нелѣпно. Или они испытываютъ тамъ, гдѣ находятся? Но они не видятъ самихъ себя, и тамъ, гдѣ они, нѣтъ ничего кромѣ нихъ же самихъ. Или что душа не могущественнѣе глазъ, хотя она—то и составляетъ ихъ могущество? Но безмысленнѣе этого ничего нѣтъ. Ужъ не слѣдуетъ ли сказать, что высшую степень могущества составляетъ испытывать тамъ, гдѣ что либо находится, чѣмъ тамъ, гдѣ не находится? Но если бы это было вѣрно, зрѣніе не было бы превосходителемъ остальныхъ чувствъ. А. А что значить, что глаза, напримѣръ, испытываютъ какой нибудь ударъ, какой нибудь порѣзъ или измѣненіе влаги,—испытываютъ тамъ, гдѣ они находятся, и когда это отъ души не укрывается, называется не зрѣніемъ, а ощущеніемъ; и притомъ все подобное глазъ можетъ испытывать и въ бездушномъ тѣлѣ, хотя бы и не было души, отъ которой испытываемое состояніе не укрывалось бы; а то, чего глазъ не можетъ испытывать иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы была присуща ему душа, т. е. то, что испытываетъ онъ въ зрѣніи, то лишь одно онъ испытываетъ тамъ, гдѣ самъ не находится? Не видно ли изъ этого всякому, что душа не содержится никакимъ мѣстомъ, какъ скоро глазъ, который есть тѣло, испытываетъ не въ своемъ мѣстѣ лишь то, чего никогда не испытываетъ безъ души?

Е. Скажи пожалуйста, что же мнѣ послѣ этого дѣлать? Вѣдь на этихъ основаніяхъ можно заключать, что наши души не находятся въ тѣлахъ? А если это такъ, то вѣдь я же знаю, гдѣ я нахожусь? Кто вынудить меня признать, что я не сама душа? А. Не смущайся, и относись къ этому съ большею бодростію. Это разсужденіе обращаетъ насъ къ намъ же самимъ, и насколько то возможно, отвращаетъ отъ

тѣла. Хотя твое заключеніе, что душа не находится въ тѣлѣ существа живаго одушевленнаго, и кажется нелѣпостію: однако были, и думаю, есть и теперь весьма ученые мужи, которые такъ именно думали. Ты понимаешь самъ, что это предметъ весьма тонкій и требуетъ для своего разсмотрѣнія достаточно очищеннаго умственнаго взора. Въ данномъ случаѣ подумай лучше, какое можешь представить другое основаніе, чтобы доказать, что душа длинна, или широка, или что либо въ томъ же родѣ: потому что самъ видишь, что тотъ твой аргументъ, объ ощущеніи прикосновенія, къ истинѣ не прикасается и нисколько не доказываетъ, чтобы душа была разлита по всему тѣлу, какъ кровь, напримѣръ; или, если ты прибавить не имѣешь ничего, перейдемъ къ тому, что остается.

ГЛАВА XXXI.

Части разсѣченнаго червя движутся: не служитъ ли это доказательствомъ, что душа распространена по всему тѣлу?

Е. Можетъ быть я и ничего не имѣлъ бы, еслибы не вспомнилъ, сколько мы, будучи отроками, удивлялись обыкновенно, какъ подергивались хвосты ящерицъ, отбитые отъ остальнаго тѣла; я никоимъ образомъ не могу представить себѣ, чтобы подобное движеніе совершалось безъ души, и не понимаю, какъ это душа не имѣетъ никакого протяженія, если она можетъ быть разсѣбаема вмѣстѣ съ тѣломъ. А. Въ отвѣтъ на это я могъ бы указать тебѣ на воздухъ и огонь: эти двѣ стихіи удерживаются въ тѣлѣ земномъ и влажномъ присутствіемъ души, чтобы составлялось смѣшеніе всѣхъ четырехъ; а когда душа исходитъ изъ тѣла, устремляются вверхъ, и высвобождаясь, движутъ эти тѣла тѣмъ быстрее, чѣмъ неожиданнѣе они вырываются въ свѣже сдѣланную рану; а затѣмъ движеніе ослабѣваетъ и наконецъ прекра-

щается, какъ скоро убѣгающее дѣлается меньшимъ и меньшимъ, и улетучивается вовсе Но меня останавливаетъ то, что я наблюдалъ этими самыми глазами,—наблюдалъ пожалуй позже, чѣмъ можно тому повѣрить, но на самомъ дѣлѣ не позже, чѣмъ я долженъ былъ наблюдать. Недавно, когда мы были въ Лигуріи, юноши наши, бывшіе въ то время со мною ради своихъ научныхъ занятій, лежа на землѣ въ тѣнистомъ мѣстѣ, замѣтили многоножное пресмыкающееся животное, т. е. нѣкотораго длиннаго червя. Животное это вообще извѣстно, но того, о чемъ я хочу сказать, я никогда въ немъ не наблюдалъ. Одинъ изъ юношей, повернувъ стиль, который случайно имѣлъ при себѣ, разсѣкъ животное пополамъ: тогда обѣ части тѣла разошлись въ противоположныя отъ той раны стороны съ такою скоростію ногъ и съ такимъ неослабнымъ напряженіемъ движенія, какъ бы то были два животныя одного и того же рода. Пораженные этимъ дивомъ и любопытствуя знать причину, юноши тотчасъ же принесли эти два живые куска къ намъ, на мѣсто, гдѣ мы сидѣли вмѣстѣ съ Алипіемъ. Съ немалымъ удивленіемъ наблюдали и мы, какъ они могли бѣгать по доскѣ въ разныя стороны, и какъ одинъ изъ нихъ, тронутый стилемъ, сворачивался къ мѣсту боли, между тѣмъ какъ другой не чувствовалъ ничего и продолжалъ свои собственные движенія въ другомъ мѣстѣ. Да чего болѣе? Мы производили опыты пока то было можно, и червяка, даже—червей уже разсѣкали на множество частей: всѣ онѣ двигались такъ, что, еслибы это не было сдѣлано нами, и не были видны свѣжія раны, мы подумали бы, что ихъ столько же и родилось отдѣльно и что каждый изъ нихъ жилъ самъ по себѣ.

Но что сказалъ я въ ту пору этимъ юношамъ, когда они съ напряженнымъ вниманіемъ обратились ко мнѣ, то я опасаюсь въ настоящее время сказать тебѣ. Мы уже настолько подвинулись впередъ, что не отвѣтъ я тебѣ иначе,

такъ чтобы это служило въ пользу защищаемого мною мнѣнія, существенное положеніе наше, подтвержденное такимъ долгимъ разсужденіемъ, окажется рухнувшимъ, будучи проточено однимъ червякомъ. Тѣмъ я приказалъ, чтобы въ своихъ научныхъ занятіяхъ они, какъ начали, такъ и продолжали держаться опредѣленнаго порядка; что въ свое время имъ будетъ удобнѣе приступить къ изслѣдованію и изученію этого, еслибы то оказалось нужнымъ. Но еслибы я захотѣлъ изложить то, о чемъ, по удаленіи ихъ, я разсуждалъ съ Алиніемъ, когда каждый изъ насъ съ своей собственной точки зрѣнія припоминалъ видѣнное, высказывалъ предположенія, задавался вопроса и: то намъ пришлось бы говорить гораздо болѣе, чѣмъ сколько говорили мы съ самаго начала со всѣми отступленіями и околичностями. Впрочемъ, я не скрою отъ тебя что думаю. Еслибы въ то время мнѣ не было уже извѣстно многое касательно тѣла, вида, присущаго тѣлу, мѣста, времени, движенія, о чемъ весьма тонко и темно разсуждается по поводу этого же самаго вопроса, я бы склонился признать необходимость за тѣми, которые говорятъ, что душа есть тѣло. Поэтому, насколько могу, я еще и еще убѣждаю тебя, не предавайся безразсудно книгамъ или разсужденіямъ людей слишкомъ бѣглыхъ и до крайности довѣряющихъ этимъ тѣлеснымъ чувствамъ, пока не исправншь и не утвердишь стези, которыя ведутъ душу къ самому Богу; чтобы научныя занятія и труды еще легче, чѣмъ бездѣйствіе и праздность, не отратили тебя отъ этого таинственнѣйшаго спокойнѣйшаго убѣжища ума, отъ котораго онъ странствуетъ въ настоящее время въ удаленіи, пока обитаетъ здѣсь.

Теперь же, въ противовѣсъ тому, что, какъ я чувствую, приводитъ тебя въ крайнее недоумѣніе, выслушай изъ многаго не то, что тяжеловѣснѣе, а то, что короче; я не могъ выбрать того, что для меня вѣроятнѣе остального, а могъ выбрать то, что болѣе подходяще для тебя. Е. Говори, по-

жалуйста, какъ можешь скорѣе. А. Прежде всего скажу слѣдующее. Если причина, отъ которой при разсѣченіи нѣкоторыхъ тѣлъ это происходитъ, неизвѣстна намъ, изъ-за этого одного мы не должны еще приходить въ смущеніе до такой степени, чтобы считать ложнымъ то многое, что передъ тѣмъ казалось тебѣ яснѣе свѣта. Вѣдь можетъ случиться, что причина этого неизвѣстна намъ потому, что она скрыта отъ самой природы человѣческой; или быть можетъ она и извѣстна какому нибудь человѣку, но онъ не можетъ быть нами спрошенъ, или если бы и былъ спрошенъ, не могъ бы удовлетворить насъ, такъ какъ мы не владемъ нужными для того способностями уметвенными. Неужели вслѣдствіе этого у насъ должно быть отнято то, что мы съ противоположной стороны изучили самымъ основательнымъ образомъ и что признаемъ за самое истинное? Если же все то вѣрное и несомнѣнное, что отвѣчалъ ты на мои вопросы, остается неприкосновеннымъ, то намъ нечего подѣтски бояться упомянутого червячка, хотя бы мы и не въ состояніи были представить причину его живучести и множественности. Вѣдь еслибы ты имѣлъ о комъ нибудь твердое и несомнѣнное убѣжденіе, что онъ человѣкъ добрый, и засталъ бы его на пиру съ разбойниками, которыхъ преслѣдовалъ, при чемъ по какой нибудь случайности онъ умеръ бы прежде, чѣмъ могъ быть отъ тебя спрошенъ: ты, хотя бы это для тебя навсегда осталось тайною, придумалъ бы скорѣе какую угодно причину его сообщества и пиршества съ злодѣями, чѣмъ злодѣйство и соучастіе въ злодѣйствѣ. Такъ почему же и въ данномъ случаѣ, когда множествомъ вышеприведенныхъ доказательствъ, которыя и самъ ты обсудилъ основательнѣйшимъ образомъ, для тебя уяснилось, что душа не содержится въ опредѣленномъ мѣстѣ и потому не имѣетъ никакого такого количества, какое видимъ мы въ тѣлѣ,—почему ты для объясненія, отъ чего нѣкоторое животное, бу-

дучи разсѣчено, живетъ во всеѣхъ частяхъ, не предположивъ другой какой нибудь причины, только не той, чтобы душа могла быть разсѣкаема вмѣстѣ съ тѣломъ? Если этой причины мы открыть не можемъ, то не слѣдуетъ ли скорѣе искать истиннаго, чѣмъ вѣрить ложному?

ГЛАВА XXXII.

Съ разсѣченіемъ тѣла душа не разсѣкается. Куски разсѣченнаго тѣла могутъ жить, хотя бы душа и не была разсѣчена. Затѣмъ о количествѣ души въ отношеніи доблести и могущества.

Затѣмъ я спрошу у тебя, думаешь ли ты, что въ нашихъ словахъ иное есть самый звукъ, и иное то, что обозначается звукомъ? Е. По моему мнѣнію и то и другое одно и тоже. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, откуда происходитъ самый звукъ, когда ты говоришь? Е. Кто усумнится, что онъ отъ меня происходитъ? А. Стало быть отъ тебя происходитъ и солнце, когда ты называешь солнце? Е. Ты спрашивалъ меня о звукѣ, а не о самомъ предметѣ. А. Слѣдовательно иное звукъ, и иное предметъ, который обозначается звукомъ; а ты сказалъ, что то и другое одно и тоже. Е. Пусть, я уже согласенъ, что иное обозначающій звукъ, и иное предметъ, который обозначается. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, можешь ли ты, зная латинскій языкъ, употребить названіе *sol* (солнце) такъ, чтобы звуку не предшествовало представленіе о солнцѣ? Е. Никакъ не могу. А. Ну, а если прежде, чѣмъ названіе это вылетитъ изъ твоихъ устъ, ты, желая его высказать, нѣсколько времени пробудешь въ молчаніи; не будетъ ли содержаться въ твоей мысли то, что потомъ услышитъ другой выраженнымъ въ голосъ? Е. Это очевидно. А. Но вѣдь солнце имѣетъ огромную величину; такъ нельзя ли и понятіе его, которое

ты содержишь въ мысли до произношенія слова, представлять длиннымъ, широкимъ, и т. под.? Е. Никакъ нельзя.

А. Теперь скажи мнѣ: когда вырывается изъ устъ твоихъ самое названіе, и я, слыша его, представляю себѣ солнце, которое представлялъ ты до произношенія и при самомъ произношеніи слова, а теперь быть можетъ представляемъ мы оба,—не кажется ли тебѣ, будто самое названіе какъ бы получило отъ тебя то значеніе, которое передано мнѣ посредствомъ ушей? Е. Кажется. А. Слѣдовательно, если самое названіе состоитъ изъ звука и значенія, звукъ же относится къ ушамъ, а значеніе къ уму: то не полагаешь ли ты, что въ названіи, какъ бы въ нѣкоторомъ одушевленномъ существѣ, звукъ представляетъ собою тѣло, а значеніе—душу звука? Е. На мой взглядъ ничего нѣтъ болѣе сходнаго. А. Теперь обрати вниманіе на то, можетъ ли звукъ имени быть раздѣленъ на буквы, между тѣмъ какъ душа его, т. е. его значеніе, не можетъ? Вѣдь нѣсколько прежде ты сказалъ, что въ нашей мысли оно не представляется тебѣ ни длиннымъ, ни широкимъ. Е. Вполнѣ съ этимъ согласенъ. А. Ну, а когда этотъ звукъ раздѣлится на буквы, удерживаетъ ли онъ, по твоему мнѣнію, свое значеніе? Е. Какимъ образомъ отдѣльныя буквы могутъ имѣть то значеніе, какое имѣетъ составленное изъ нихъ названіе? А. Ну, а когда съ раздѣленіемъ звука на буквы теряется значеніе, не кажется ли тебѣ, что дѣлается нѣчто похожее на то, что бываетъ, когда изъ растерзаннаго тѣла исходитъ душа, и что съ названіемъ случается какъ бы нѣкоторый родъ смерти? Е. Соглашаюсь съ этимъ, и при томъ такъ охотно, какъ ни съ чѣмъ въ этой рѣчи.

А. Итакъ, если изъ этого сравненія ты достаточно уяснилъ для себя, какимъ образомъ душа съ разсѣченіемъ тѣла можетъ не разсѣваться, то вступи теперь въ то, какимъ образомъ могутъ жить самые куски тѣла, хотя бы душа

и не была разсѣчена. Ты уже согласился, и согласился, по моему мнѣнію, справедливо, что значеніе, составляющее какъ бы душу звука, когда произносится имя предмета, само по себѣ никоимъ образомъ не можетъ быть дѣлимо, между тѣмъ какъ звукъ, представляющій собою какъ бы его тѣло, можетъ. Но въ имени *sol* звукъ дѣлится такъ, что ни одна часть его не удерживаетъ никакого значенія. Поэтому на буквы его, по разложеніи тѣла имени, мы будемъ смотрѣть какъ на члены, лишившіеся души, т. е. потерявшіе значеніе. Но если найдемъ имя, которое, будучи раздѣлено, можетъ имѣть какое нибудь значеніе и въ отдѣльныхъ частяхъ, то ты долженъ будешь согласиться, что разсѣченіе въ послѣднемъ случаѣ не непременно производитъ нѣчто подобное смерти: потому что рассматриваемые отдѣльно члены покажутся тебѣ имѣющими какое нибудь значеніе и какъ бы дышущими. Е. Разумѣется, соглашусь, и жду съ нетерпѣніемъ, чтобы ты произнесъ такое имя. А. Изволь. По сосѣдству съ солнцемъ, объ имени котораго у насъ выше шла рѣчь, мнѣ припоминается *lucifer* ¹⁾; если разсѣчь это слово между вторымъ и третьимъ слогомъ, оно въ первой своей части, когда мы скажемъ *luci* ²⁾, будетъ имѣть нѣкоторое значеніе, и слѣдовательно этою бѣльшею половиною тѣла будетъ жить. Послѣдняя часть также имѣетъ душу; потому что когда тебѣ приказываютъ принести что нибудь, ты слышишь эту часть ³⁾. Развѣ ты могъ бы повиноваться, когда кто нибудь скажетъ тебѣ: *Fer codicem* ⁴⁾, если бы слово *fer* ничего не значило? Когда это слово присоединяется къ *luci*,

¹⁾ Утренняя звѣзда, планета Венера.

²⁾ *Luci*—форма дательнаго падежа отъ *lux*—свѣтъ.

³⁾ *Fer*—повелительная форма отъ глагола *fero*—несу.

⁴⁾ *Принеси, подай книгу.*

Блаженнаго Августина.

оно произносится *lucifer*, и значить звѣзда; а когда отсѣ-
кается отъ него, все же нѣчто значить, и потому какъ бы
удерживасть жизнь.

Но такъ какъ все, что подлежить чувствамъ, находится
въ извѣстномъ мѣстѣ и времени, или точнѣе—занимаетъ из-
вѣстное мѣсто и время, то чувствуемое глазами раздѣляется
по мѣсту, а ушами—по времени. Какъ вышеупомянутый
червякъ, будучи цѣлымъ, занималъ болѣе мѣста, чѣмъ его
часть; такъ и когда произносится слово *lucifer*, требуетъ
болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ еслибы говорилось
только *luci*. Поэтому, если послѣдняя часть слова живетъ
значеніемъ при томъ уменьшеніи времени, какое сдѣлано из-
вѣстнымъ раздѣленіемъ звука, хотя самое значеніе остается
нераздѣльнымъ (потому что протяженіе во времени имѣть
не оно, а звукъ): то также точно слѣдуетъ полагать, что и
по разсѣченіи тѣла червяка, хотя часть его, по тому самому,
что была частію, и жила въ меньшемъ мѣстѣ, однако душа
отнюдь не была разсѣчена и въ меньшемъ мѣстѣ не сдѣ-
лалась меньшею, хотя при цѣлости животнаго владѣла ра-
зомъ всѣми членами, простиравшимися на большее простран-
ство. Ибо она владѣла не пространствомъ, а тѣломъ, которое
приводила въ движеніе; также точно какъ извѣстное зна-
ченіе слова, хотя протяженія во времени не имѣть, однако
какъ бы одушевляло и наполняло всѣ буквы имени, имѣю-
щія каждая свою мѣру и протяженіе. Этимъ подобіемъ, ко-
торое, чувствую, тебѣ нравится, въ настоящее время, пожа-
луйста, и удовольствуйся. Разсужденій же болѣе тонкихъ,
для которыхъ потребовались бы не подобія, но большей части
обманывающія, а самое дѣло, въ настоящій моментъ не жди:
потому что съ одной стороны пора закончить такую длин-
ную рѣчь, а съ другой—чтобы проникнуть въ предметы
этого рода и постигнуть ихъ, душа твоя должна предвари-
тельно усвоить многое другое, чего у тебя не достаетъ;

только тогда ты можешь со всею ясностію понять, дѣйстви-тельно ли оно такъ на дѣлѣ, какъ говорятъ о томъ нѣкото-рые ученѣйшіе мужи, т. е. что душа сама по себѣ дѣлима быть не можетъ, но чрезъ тѣло—можетъ.

Теперь же, если хочешь, выслушай отъ меня, или лучше—узнай черезъ меня, колика душа не по объему мѣста и времени, а по силѣ и могуществу: потому что таковы, если помнишь, наши первоначальныя предположенія и распорядокъ. О числѣ же душъ, хотя по твоему мнѣнію и это относится къ тому же вопросу, я не знаю что тебѣ сказать. Скорѣе я сказалъ бы, что объ этомъ вовсе не слѣдуетъ спрашивать, или что по крайней мѣрѣ тебѣ слѣдовало бы подождать съ этимъ вопросомъ, чѣмъ сказать, что число и множество не относится къ количеству, или что по отношенію къ такому темному вопросу я въ настоящее время не могу ничѣмъ помочь тебѣ. Вѣдь еслибы я сказалъ, что душа одна, ты бы зашумѣлъ, что въ одномъ—де она блаженна, въ другомъ несчастна, и что одна—де и таже вещь въ одно и тоже время не можетъ быть и блаженною и несчастною. А еслибы я сказалъ, что она одна и въ тоже время ихъ много, ты сталъ бы смѣяться; а я не имѣлъ бы подъ руками ничего, чѣмъ могъ бы во время сдержать твой смѣхъ. А еслибы я сказалъ только, что ихъ много, я посмѣялся бы самъ надъ собою, и скорѣе выдержалъ бы твое, чѣмъ свое неудовольствіе на себя. Поэтому выслушай отъ меня то, что по моему мнѣнію ты можешь выслушать съ пользою; а что для обоихъ или одного изъ насъ такъ тягеловѣсно, что можетъ подавить, того не желай ни поднимать, ни налагать. Е. Согласенъ исполнѣ, и надѣюсь, что, насколько то будетъ по силамъ моей души, ты изложишь то, о чемъ на твой взглядъ можно говорить со мною съ пользою для меня.

ГЛАВА XXXIII.

Сила души создаетъ семь степеней могущества ея въ тѣлѣ, въ ней самой и предъ Богомъ. Первая степень души. Вторая степень души. Третья степень души. Четвертая степень души. Пятая степень души. Шестая степень души. Седьмая степень души.

О еслибы мы оба могли спросить объ этомъ какого либо ученѣйшаго, и не только ученѣйшаго, но и краснорѣчивѣйшаго, и во всѣхъ отношеніяхъ мудрѣйшаго и совершеннаго человѣка! Какъ прекрасно въ своей рѣчи и разсужденіяхъ онъ разъяснилъ бы, какую силу имѣетъ душа въ тѣлѣ, какую сама въ себѣ, и какую у Бога, къ которому она, будучи весьма чистою, весьма близка, и въ которомъ имѣетъ для себя высшее и всяческое благо! Теперь же, когда мнѣ недостаетъ такого другаго человѣка, тебѣ я однакоже рѣшаюсь предложить свои услуги. Выгода та, что въ ту пору, какъ я, неученый, буду объяснять, какую силу имѣетъ душа, я безъ опасенія испробую, какую силу имѣю самъ я. Прежде всего однакоже я урѣжу твои слишкомъ широкія и безграничныя ожиданія: не думай, что я буду говорить о всякой душѣ, а только—о человѣческой, о которой одной мы должны заботиться, если обязаны заботиться о себѣ. Итакъ, во первыхъ, она, какъ это легко видѣть всякому, животворить своимъ присутствіемъ это земное и смертное тѣло; собираетъ его въ одно и содержитъ въ единствѣ, не позволяя ему распадаться и истощаться; распределяетъ питаніе равномерно по членамъ, отдавая каждому изъ нихъ свое; сохраняетъ его стройность и соразмѣрность не только въ томъ, что касается красоты, но и въ томъ, что касается роста и рожденія. Все это, впрочемъ, можетъ казаться общимъ человѣку съ деревьями: потому что и о послѣднихъ мы говоримъ что они живутъ, и видимъ и утверждаемъ, что каж-

дое изъ нихъ въ своемъ родѣ сохраняетъ себя, питаетъ, растеть, раждаетъ.

Взойди поэтому на другую ступень, и посмотри, какою силою располагаетъ душа въ чувствахъ, гдѣ жизнь проявляется очевиднѣе и яснѣе. Ибо не слѣдуетъ обращать вниманіе на то нечестіе, вполне грубое и болѣе деревянное, чѣмъ самыя деревья, которое оно беретъ подъ свое покровительство,—нечестіе, которое вѣрить, что виноградная лоза чувствуетъ боль, когда съ ней срываютъ кисть, и что деревья не только чувствуютъ, но и видятъ и слышатъ, когда ихъ рубятъ; для разбора этого святотатственнаго заблужденія будетъ другое мѣсто. Теперь, какъ я предположилъ, обрати вниманіе на то, какую силу обнаруживаетъ душа въ чувствахъ и въ самомъ движеніи существа болѣе наглядно одушевленнаго,—въ чувствахъ и въ движеніи, въ которыхъ у насъ нѣтъ ничего общаго съ тѣми, которыя прикрѣплены (къ мѣсту) корнями. Душа простирается въ ощущение, и въ немъ чувствуетъ и различаетъ теплое и холодное, шероховатое и гладкое, твердое и мягкое, легкое и тяжелое. Затѣмъ, вкушая, обоняя, слушая, видя, она различаетъ безчисленныя особенности вкусовъ, запаховъ, звуковъ, формъ. И во всемъ этомъ то, что соотвѣтствуетъ природѣ ея тѣла, она принимаетъ, и стремится къ тому, а что противоположно этой природѣ, то отвергаетъ и того убѣгаетъ. Въ извѣстный промежутокъ времени она отвлекается отъ этихъ чувствъ, и возстановляетъ ихъ чувствительность какъ бы посредствомъ праздниковъ своего рода, перебираетъ сама про себя цѣлыми рядами и на разные манеры образы вещей, которые чрезъ нихъ получила; все это и составляетъ собою сонъ и сновидѣнія. Дѣлая разныя тѣлодвиженія и бродя туда и сюда, она нерѣдко находитъ удовольствіе въ самой легкости движенія, и безъ труда приводитъ члены въ гармонію; для соединенія половъ дѣлаетъ что можетъ, и

общеніемъ и любовью двойственную природу обращаетъ въ одну; склоняетъ не только къ рожденію, но и къ ласканію, береженію и кормленію дѣтей. Силою привычки привязывается къ вещамъ, чрезъ среду которыхъ проводитъ тѣло, и которыми тѣло поддерживаетъ, и отрывается отъ нихъ, будто отъ членовъ, съ болью; эта сила привычки, не разрываемаемая самою разлукою съ вещами и промежуткомъ времени, называется памятью. Но всю эту силу, какъ согласится каждый, душа проявляетъ и въ безсловесныхъ животныхъ.

Итакъ поднимись на третью ступень, которая составляетъ уже собственность человѣка, и представь эту память безчисленныхъ вещей, не приросшихъ силою привычки, а взятыхъ на сохраненіе и удержанныхъ наблюдательностію и при помощи условныхъ знаковъ; эти разные роды искусствъ, воздѣлыванія полей, постройки городовъ, многоразличныя чудеса разнообразныхъ сооруженій и великихъ предпріятій; изобрѣтенія столькихъ знаковъ въ буквахъ, въ словахъ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ звукѣ всякаго рода, въ живописи и ваяніи; столько языковъ у народовъ, столько учреждений, то новыхъ, то возстановленныхъ; такую массу книгъ и всякаго рода памятниковъ для сохраненія памяти, и такую заботливость о потомствѣ; эти ряды должностей, властей, честей и сановъ, въ быту ли то семейномъ, или въ государственномъ внутреннемъ и военно-служебномъ, въ свѣтскомъ ли то или въ священномъ культѣ; эту силу соображенія и вымысла, потоки краснорѣчія, разнообразіе поэтическихъ произведеній, тысячи видовъ подражанія ради потѣхи и шутки, искусство музыкальное, точность измѣреній, науку вычисленій, разгадку прошедшаго и будущаго на основаніи настоящаго. Велико все это и вполне человѣчно. Но все это богатство еще обще съ одной стороны душамъ ученымъ и неученымъ, съ другой—добрымъ и злымъ.

Подними поэтому глаза выше и вспрыгни на четвертую ступень, съ которой начинается доброта и все то, что дѣйствительно заслуживаетъ хвалы. Начиная съ этой ступени, душа осмѣливается предпочитать себя не только своему, хотя и составляющему нѣкоторую часть мірового, но и самому міровому тѣлу, и не считать его блага своими благами, а по сравненіи съ собственнымъ могуществомъ и красотою, отдѣлять и презирать ихъ; и за тѣмъ, чѣмъ болѣе любить себя, тѣмъ болѣе удаляется отъ нечистотъ, очищаетъ себя отъ всякаго пятна и старается всячески о возможной красотѣ своей и убранствѣ; борется противъ всего, что становится ей на пути, чтобы отклонить ее отъ ея предположеній и намѣреній; высоко цѣнить общество человѣческое и не желать другому ничего такого, чего не хочетъ себѣ; повинуется авторитету и заповѣдямъ мудрыхъ, и вѣрить, что черезъ нихъ говорить ей Богъ. Этому свѣтлому стремленію души присущъ еще трудъ, и великое и весьма тягостное столкновеніе съ скорбями и предестиями этого міра. Ибо съ самымъ дѣломъ очищенія соединяется страхъ смерти, часто не великій, но часто весьма сильный. Не великъ онъ бывать тогда, когда въ простотѣ сердца вѣрится (ибо видѣть, дѣйствительно ли оно такъ, можно душѣ только вполне очистившейся), что все управляется божественнымъ провидѣніемъ и правдою такъ, что смерть не можетъ несправедливо прилучиться никому, хотя бы ее нанесъ человѣкъ несправедливый. Но боязнь смерти становится сильною и на этой уже степени, когда дѣло очищенія тѣмъ менѣе представляется прочнымъ, чѣмъ заботливѣе о немъ стараются, и кажется меньшимъ отъ того самаго, что по причинѣ страха уменьшается спокойствіе, крайне необходимое для изслѣдованія вещей таинственнѣйшихъ. За тѣмъ, чѣмъ болѣе душа, въ силу самаго успѣха своего, чувствуетъ, какъ велико различіе между нею чистою и оскверненною, тѣмъ болѣе опа-

сается, что, когда она сложитъ это тѣло, Богъ ее оскверненную можетъ потерпѣть еще менѣе, чѣмъ терпѣть она сама. А пѣтъ ничего труднѣе, какъ бояться смерти, и въ тоже время воздерживаться отъ прелестей этого міра, какъ требуютъ того самыя опасности. Но такова сила души, что она можетъ усиѣвать и въ этомъ при помощи правды высочайшаго и истиннаго Бога, которою весь этотъ міръ поддерживается и управляется, которая дѣлаетъ и то, что не только все существуетъ, но и такъ существуетъ, что существовать лучше рѣшительно не можетъ. Этой правдѣ съ великимъ благочестіемъ и твердою надеждою она и ввѣряетъ себя въ столь трудномъ дѣлѣ своего очищенія, чтобы она помогла ей и усовершила ее.

Когда это совершится, т. е. когда душа будетъ свободна отъ всякаго тлѣнія и омыта отъ сквернъ, тогда наконецъ она чувствуетъ себя исполненною величайшею радостію, нисколько не боится за себя, не испытываетъ никакой тревоги за свое положеніе. Это составляетъ пятую степень. Ибо иное добиваться чистоты, иное имѣть ее; и иное совершенно дѣло очищать себя оскверненную, иное не позволять себѣ снова оскверняться. На этой степени душа чувствуетъ свою силу во всѣхъ отношеніяхъ; а когда почувствуетъ это, тогда съ нѣкоторою великою и невѣроятною самоувѣренностію устремляется къ Богу, т. е. къ самому созерцанію истины, и это составляетъ высочайшую и таинственнѣйшую награду, ради которой столько понесено труда.

Но это дѣйствіе, т. е. стремленіе души къ уразумѣнію того, что существуетъ истиннымъ и высочайшимъ образомъ, представляетъ собою высшее созерцательное душевное состояніе. Совершеннѣе, лучше и нормальнѣе его нѣтъ для души. Эта степень состоянія будетъ поѣтому шестою. Ибо иное дѣло очищать самый глазъ души, чтобы онъ не смотрѣлъ напрасно и безцѣльно, и не видѣлъ превратно; иное—

сохранять и укрѣплять его здоровье; а иное обращать ясный и прямой взоръ на то, что подлежитъ разсмотрѣнію. Тѣ, которые хотятъ дѣлать послѣднее прежде, чѣмъ будутъ очищены и получать исцѣленіе, до такой степени болѣзненно поражаются этимъ свѣтомъ истины, что не только не находятъ въ немъ ничего добраго, но даже, напротивъ, находятъ въ немъ весьма много дурнаго, отказываютъ ему въ названіи истины и съ нѣкоторымъ сладострастіемъ и жалкимъ наслажденіемъ, проклиная врачевство, погружаются обратно въ свой мракъ, который болѣзнь ихъ можетъ выносить. Поэтому-то по божественному вдохновенію и вполне правильно говоритъ Пророкъ: *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Псал. 50, 12). Духъ правый, по моему мнѣнію, дѣлаетъ то, что душа въ изысканіи истины не можетъ увлечься отъ прямого пути и заблуждаться. А такой духъ не обновится въ ней прежде, чѣмъ сердце не будетъ чистымъ, т. е. прежде, чѣмъ самое помышленіе не устранится и не очистится отъ всякаго пожеланія и всякой нечистоты вещей смертныхъ.

А что скажу я тебѣ объ этихъ радостяхъ, объ этомъ наслажденіи высочайшимъ и истиннымъ благомъ, о тихомъ мерцаніи свѣта и вѣчности, присущихъ этому видѣнію и созерцанію истины, которое составляетъ седьмую и послѣднюю степень души, да даже и не степень, а нѣкоторое постоянное пребываніе, въ которое восходятъ тѣми степенями? Объ этомъ сказали, насколько сочли нужнымъ сказать, нѣкоторые великія и несравненныя души, о которыхъ мы думаемъ, что онѣ видѣли и видятъ это. Съ своей стороны съ полною увѣренностію скажу тебѣ одно: если мы будемъ съ полнымъ постоянствомъ держаться того направленія, которое предписываетъ намъ Богъ и котораго мы рѣшились держаться, то мы достигнемъ при помощи силы и мудрости божественной той высочайшей причины, или высочайшаго ви-

новника бытія, или высочайшаго начала всѣхъ вещей, или инымъ образомъ, болѣе соотвѣтственно, называемой вещи, постигнувъ которую, мы дѣйствительно увидимъ, что все подъ солнцемъ суета суетствующихъ ¹⁾. Суета есть ложь, а подъ суетствующими разумѣются или обманутые, или обманывающіе, или тѣ и другіе вмѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ въ состояніи распознать, какое различіе между этимъ и тѣмъ, что существуетъ истинно, и какимъ образомъ и это все сотворено однако же Богомъ творцемъ, и какъ оно, будучи въ сравненіи съ тѣмъ ничтожно, разсматриваемое само по себѣ кажется удивительнымъ и прекраснымъ. Тогда узнаемъ, какъ истинно то, чему повелѣно намъ вѣровать; какъ прекрасно и въ высшей степени спасительно мы были воспитываемы матерью церковію; какъ велика была польза того млека, о которомъ апостолъ Павелъ сказалъ, что онъ далъ его въ питье младенцамъ (I Кор. 3, 2). Принимать эту пищу, когда кто кормится матерью, въ высшей степени полезно; но принимать тогда, когда кто выросъ уже, стыдно; отвергать ее, когда она нужна, достойно сожалѣнія; порицать же ее когда бы то ни было или ненавидѣть—злодѣйство и нечестіе; а готовить и надлежащимъ образомъ раздавать ее—дѣло въ высшей степени похвальное и полное любви. И въ этой тѣлесной природѣ, какъ скоро она повинуется законамъ божественнымъ, увидимъ такія смѣны и чередованія, что самое воскресеніе плоти, которому частію вѣрять съ большимъ трудомъ, частію вовсе не вѣрять, признаемъ за несомнѣнное до такой степени, что для насъ не будетъ вѣрнѣе восходъ солнца послѣ захода. Наконецъ и такихъ, которыя смѣются надъ человѣкомъ, воспринятымъ

¹⁾ *Vanitas vanitatum*. Такъ цитуетъ бл. Августинъ эти слова Екклесіаста и въ другихъ случаяхъ. О чемъ самъ говоритъ въ *Retract. lib. I. cap. VII. n. 3.*

отъ могущественнѣйшаго, вѣчнаго и неизмѣннаго Сына Божіи во образъ и начатокъ спасенія и родившагося отъ Дѣвы, и надъ другими чудесами этой исторіи, и такихъ мы станемъ презирать, какъ тѣхъ дѣтей, которыя, видѣвши живонисца, рисующаго съ лежавшихъ передъ нимъ картинъ, въ которыя онъ засматривалъ, думаютъ, что человѣкъ иначе и не можетъ рисовать, какъ только засматривая при рисованіи въ другую картину. Приэтомъ въ созерцаніи истины, насколько каждый въ состояніи ее созерцать, такое наслажденіе, такая чистота, такая неподдѣльность, такая несомнѣнная достовѣрность, что каждый полагаетъ, что кромѣ этого онъ никогда ничего не зналъ, хотя и казался самому себѣ знающимъ; и такъ какъ душа не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы отдаться истинѣ всецѣло, то смерть, которой она прежде боялась, т. е. полное бѣгство и отрѣшеніе отъ этого тѣла, обратится въ предметъ желанія, какъ высочайшій даръ.

ГЛАВА XXXIV.

Одинъ Богъ лучше души, и поэтому одинъ Онъ долженъ быть предметомъ почитанія.

Ты слышалъ, какъ велика сила и могущество души. Сказать коротко: если слѣдуетъ признать, что человѣческая душа не есть то, что есть Богъ; то также точно слѣдуетъ заключить, что изъ всего созданнаго нѣтъ ничего ближе нея къ Богу. Поэтому въ церкви католической существуетъ божественное и превосходное преданіе: »Никакое твореніе не должно быть чтимо для души« (съ особою охотою говорю тѣми же словами, какими мнѣ это и было внушено), а долженъ быть чтимъ только самъ Творецъ всѣхъ существующихъ вещей, изъ котораго все, чрезъ котораго все, въ которомъ все, т. е. неизмѣнное начало, неизмѣнная мудрость, неизмѣнная любовь; единый истинный и совершенный Богъ, который всегда былъ, всегда будетъ, никогда не былъ иначе

(чѣмъ есть), никогда не будетъ иначе; котораго ничего нѣтъ таинственнѣе, и ничего присущѣе; котораго трудно найти, гдѣ Онъ есть, а еще труднѣе найти, гдѣ Его нѣтъ; съ которымъ не могутъ быть всеѣ, и безъ котораго не можетъ быть никто (и такъ далѣе, если мы люди можемъ сказать о Немъ что-либо болѣе невѣроятное, но тѣмъ не менѣе болѣе подходящее и болѣе приличное). Итакъ сего единого Бога должна чтить душа, — чтить, не давая Ему опредѣленныхъ очертаній, но и безъ смутныхъ представлений о Немъ. Ибо необходимо, чтобы то, что душа чтить какъ Бога, она представляла лучшимъ, чѣмъ сама она. А лучшимъ души не слѣдуетъ считать ни природы, ни земли, ни морей, ни звѣздъ, ни луны, ни солнца, ни всего вообще, чего можно касаться или что можно видѣть глазами, ни того наконецъ, чего видѣть мы не можемъ. Все это даже далеко хуже, чѣмъ какая бы то ни была душа, какъ убѣждаетъ въ томъ точный разумъ, если только любители истины рѣшаются со всевозможнымъ постоянствомъ и тщательностію слѣдовать за нимъ по пути нѣсколько необычному, и отъ того трудному.

Если же въ природѣ вещей есть что либо иное, кромѣ того, что познается чувствами, и вообще кромѣ того, что занимаетъ какое либо опредѣленное мѣсто, надъ чѣмъ всемъ мы признали превосходство души; итакъ если есть что либо иное изъ сотвореннаго Богомъ, — одно изъ этого хуже души, другое равно ей. Хуже, напримѣръ, душа безсловеснаго животнаго; равны, напримѣръ, ангелы; но лучше ея ничто. А если есть что либо изъ этого лучше ея, это зависить отъ ея грѣха, но не отъ природы. Но и грѣхъ дѣлаетъ ее не до такой степени худшею, чтобы душу безсловеснаго животнаго слѣдовало ставить выше ея или уравнивать съ нею. Итакъ она должна чтить только Бога, который одинъ есть творецъ ея. Человѣка же, каковаго либо другаго, хотя бы мудрѣйшаго и совершеннѣйшаго, и вообще

какую бы то ни было душу, причастную разуму и блаженнѣйшую, она должна только любить, подражать ей, и отдавать ей приличное по заслугамъ и чину. Ибо *Господу Богу твоему* поклонишися, *и тому единому послужиши* (Втор. 6, 13). Родственнымъ же душамъ, заблуждающимъ и падающимъ, мы обязаны, насколько то возможно и заповѣдано, подавать помощь, представляя дѣло такъ, что и это самое, когда дѣлается хорошо, дѣлается черезъ насъ Богомъ. Ничего не должны мы считать за свое, увлекаясь жаждою пустой славы: одного этого зла достаточно, чтобы низвергнуть насъ съ высоты въ преисподнюю. И ненавидѣть мы должны не подавленныхъ пороками, а самые пороки, и не грѣшащихъ, а самые грѣхи. Ибо мы должны желать оказывать помощь всѣмъ, даже оскорбившимъ насъ, оскорбляющимъ или вообще желающимъ оскорбить. Это истинная, это единственная религія. Примириться чрезъ нее съ Богомъ относится къ величію души, о которомъ у насъ рѣчь, и которое дѣлаетъ ее достойною свободы; ибо освобождаетъ отъ всего Тотъ, служить которому въ высшей степени полезно для всѣхъ, и въ служеніи которому, совершенно угодномъ, заключается единственная свобода. Но я вижу, что переступилъ уже границы своего первоначальнаго предположенія, и много наговорилъ тебѣ безъ всякаго съ твоей стороны вопроса. Впрочемъ, не жалѣю объ этомъ. Такъ какъ это разсѣяно по множеству церковныхъ Писаній, то мы не некстати свели его въ одно; понять это однакоже исполнѣ нельзя, развѣ только кто нибудь мужественно подвизаясь на четвертой изъ указанныхъ семи степеней, сохраняя благочестіе и приобрѣтая здоровье и силу для воспріятія этого, изслѣдуетъ все подробно съ особою тщательностію и проницательностію: ибо всѣмъ означеннымъ степенямъ присуща своя отличительная и особая красота. Болѣе правильно мы называемъ ихъ дѣйствіями.

ГЛАВА XXXV.

Дѣйствія души по семи вышеизложеннымъ степенямъ носятъ различныя названія.

Вопросъ идетъ о могуществѣ души, и можетъ быть такъ, что все это она дѣлаетъ одновременно, но ей кажется что она дѣлаетъ лишь то, что дѣлаетъ съ затрудненіемъ или по крайней мѣрѣ со страхомъ: потому что она дѣлаетъ это съ бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ остальное. И такъ, если снова входить снизу вверхъ, первое дѣйствіе, при преподаваніи, называется одушевленіемъ; второе—чувствомъ; третье—искусствомъ; четвертое—доблестію; пятое—покоемъ; шестое—вступленіемъ; седьмое—созерцаніемъ. Могутъ быть они названы и такъ: изъ тѣла; чрезъ тѣло; около тѣла; къ себѣ самой; въ себѣ самой; къ Богу; у Бога. Можно и такъ: прекрасное изъ другаго; прекрасное чрезъ другое; прекрасное около другаго; прекрасное къ прекрасному; прекрасное въ прекрасномъ; прекрасное къ красотѣ; прекрасное предъ красотою. Обо всемъ этомъ, если тебѣ покажется что нужнымъ разъяснить, ты спросишь послѣ. Въ настоящее время я хотѣлъ обозначить это столькими названіями для того, чтобы ты не затруднялся, когда другіе тоже самое называютъ другими именами и употребляютъ даже иное дѣленіе, и чтобы изъ-за этаго ты не отвергалъ того или иного. Одно и тоже совершенно правильно и съ полною основательностію можетъ быть называемо и раздѣляемо безчисленными способами; а при такомъ обиліи способовъ, каждый пользуется тѣмъ, какой находитъ для себя болѣе подходящимъ.

ГЛАВА XXXVI.

Затрагиваются остальные вопросы о душѣ. Какая религія есть религія истинная.

И такъ высочайшій и истинный Богъ закономъ ненарушимымъ и неизмѣннымъ, которымъ управляетъ все создан-

ное имъ, подчинилъ тѣло душѣ, душу Себѣ, а черезъ это и все Себѣ; и не оставляетъ души ни въ какомъ дѣйстви ея, или наказаніемъ, или наградою. Онъ призналъ за самое прекрасное, чтобы существовало все, что есть, и существовало такъ, какъ оно есть, и распредѣлялось бы по степенямъ природы въ такой порядокъ, чтобы никакое безобразіе ни съ какой стороны не оскорбляло взоры, осматривающіе цѣлое, а всякое наказаніе и всякая награда душѣ своею соразмѣрностію всегда придавали бы нѣчто правильной красотѣ и предначертанному для всего порядку. Душѣ дано свободное произволеніе. Усиливающіеся опровергнуть это своими пустыми доводами слѣпы до такой степени, что не понимаютъ, что по крайней мѣрѣ эти пустые и святотатственные вещи они говорятъ по своей доброй волѣ. Но свободное произволеніе дано душѣ однакоже не такъ, чтобы, предприимая что либо въ силу, она ниспровергла въ какой либо части божественный порядокъ и законъ. Ибо дано оно мудрѣйшимъ и непобѣдимѣйшимъ Господомъ всякой твари. Но видѣть это дано немногимъ; и способнымъ къ тому дѣлаетъ cadaго только истинная религія. Эта истинная религія есть та, которая чрезъ примиреніе возсоединяетъ душу съ единымъ Богомъ, отъ котораго она какъ бы оторвалась чрезъ грѣхъ. Овладеваетъ же она душою и начинаетъ вести ее въ упомянутомъ третьемъ дѣйстви; въ четвертомъ ожидаетъ; въ пятомъ преобразуетъ; въ шестомъ вводитъ; въ седьмомъ пасетъ. Все это дѣлается въ одномъ случаѣ скорѣе, въ другомъ медленнѣе, соотвѣтственно степени любви и заслугъ той или другой души; и все это дѣлаетъ Богъ въ высшей степени справедливо, правильно и прекрасно, какъ бы ни вздумали распоряжаться собою тѣ, относительно которыхъ Онъ это дѣлаетъ. Что же касается вопроса о томъ, насколько приносятъ пользу освященія дѣтей—младенцевъ, то вопросъ этотъ весьма темный; однако слѣдуетъ вѣрить, что нѣкоторую пользу приносятъ. Разумъ найдетъ это, когда

такого рода изслѣдованіе будетъ полезно (хотя я предпочелъ уже отложить на будущее время для своего изслѣдованія и многое другое, какъ нужное для познанія). А это будетъ въ высшей степени полезно, если изслѣдованіе будетъ совершаться подъ руководствомъ благочестія.

Если это такъ, то кто имѣетъ право досадовать на то, что душа дана тѣлу для приведенія его въ движеніе и управленія имъ, какъ скоро такой и столь божественный порядокъ вещей не могъ устроиться лучшимъ образомъ? Или считать себя въ правѣ задавать вопросы о томъ, какою она дѣлается въ этомъ смертномъ и бренномъ тѣлѣ, когда она и смерти подвергнута справедливо за грѣхъ, и можетъ и въ самомъ тѣлѣ стать высоко по своей доблести? Или какою она будетъ по смерти, когда наказаніе смертію должно по необходимости оставаться, если будетъ оставаться грѣхъ, а добродѣтели и благочестію будетъ наградою самъ Богъ, т. е. сама истина? Поэтому прекратимъ наконецъ, если угодно, нашу слишкомъ длинную рѣчь, и приложимъ неусыпное и благоговѣйное стараніе о соблюденіи божественныхъ заповѣдей. Другаго убѣжища отъ столькихъ золъ нѣтъ. Если же я сказалъ что нибудь болѣе темпо, чѣмъ ты ожидалъ, то постарайся, запомнивъ это, спросить о томъ въ другое болѣе удобное время. Намъ не откажетъ въ помощи, если будемъ просить Его, Тотъ, Кто свыше является учителемъ всѣхъ. Е. И этою рѣчью я до такой степени приведенъ въ восторгъ, что считалъ святотатствомъ прервать ее; и если ты находишь, что пора прекратить разговоръ, и если тѣхъ трехъ оставшихся вопросовъ ты счелъ нужнымъ въ настоящее время коснуться лишь коротко,—я отдамся въ этомъ на твой судъ, и въ послѣдующемъ изслѣдованіи столь великихъ предметовъ буду не только соображаться съ временемъ, въ виду твоихъ занятій, но и заботиться о томъ чтобы самому быть болѣе подготовленнымъ.

ОБЪ УЧИТЕЛѢ

ОДНА КНИГА.

Въ этой книгѣ ведется пространное разсужденіе о силѣ и значеніи словъ съ цѣлію убѣдить, что познаніе вещей пріобрѣтается не тѣми внѣшними словами, которыя человекъ произноситъ, а отъ вѣчной, внутреннимъ образомъ учащей, истины.

ГЛАВА I.

Съ какою цѣлію говоритъ человекъ?

Августинъ. Чтѣ, по твоему мнѣнію, имѣемъ мы въ виду, когда говоримъ? *Адеоданъ.* Судя по тому, что мнѣ теперь предстоитъ, или—учить, или—учиться. *Авг.* Съ первымъ я согласенъ: ибо ясно, что, когда говоримъ, мы имѣемъ въ виду учить; но учиться—какимъ образомъ? *Ад.* А какъ же бы иначе, думая ты, какъ не посредствомъ спрашиванія? *Авг.* Даже и въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, мы имѣемъ цѣлію не что иное, какъ учить. Ибо съ какою, скажи, иною цѣлію спрашиваешь ты, какъ не съ тою, чтобы вразумить того, кого спрашиваешь? *Ад.* Ты говоришь правду. *Авг.* Итакъ, ты видишь теперь, что, когда говоримъ, мы не имѣемъ въ виду ничего другаго, какъ учить. *Ад.* Не вполнѣ: ибо, если говорить значитъ не что иное, какъ произносить слова, то, думаю, тоже самое мы дѣлаемъ и въ томъ случаѣ, когда поемъ. А поемъ мы часто одни, когда около насъ не бываетъ никого, кто учился бы: въ такомъ случаѣ, думаю, мы не имѣемъ въ виду учить чему-либо. *Авг.* По моему мнѣнію, есть нѣкоторый родъ ученія чрезъ припоминаніе Блаженнаго Августина.

наніе, — родъ весьма важный, съ которымъ мы познакомимся самымъ дѣломъ изъ настоящей бесѣды. Но если ты не согласенъ ни съ тѣмъ, что мы сами учимся, когда воспоминаемъ, ни съ тѣмъ, что учили того, кто припоминаетъ, я тебѣ не прекословлю, и утверждаю, что есть два повода, по которымъ мы говоримъ: съ одной стороны—чтобы учить, съ другой—чтобы припоминать другимъ ли то, или самимъ себѣ; тоже дѣлаемъ мы и когда поемъ: не такъ ли и по твоему мнѣнію? *Ад.* Не совсѣмъ: ибо весьма рѣдко случается, что я пою ради припоминанія, а только лишь ради удовольствія. *Авг.* Вижу, что у тебя на умѣ. Но развѣ ты не понимаешь, что то, что въ пѣніи доставляетъ тебѣ удовольствіе, есть нѣкоряго рода модуляція звука и что, послѣку слова могутъ быть и прибавлены къ ней и отняты отъ нея, иное значить говорить и иное пѣть. Въ самомъ дѣлѣ, поютъ на флейтѣ и цитрѣ, поютъ птицы и сами мы издаемъ иногда нѣчто музыкальное безъ словъ, каковой звукъ пѣніемъ назвать можно, но говореніемъ нельзя: но быть можетъ, ты имѣешь возразить что нибудь? *Ад.* Рѣшительно ничего.

Авг. Итакъ, не думается ли тебѣ, что, когда говоримъ, мы имѣемъ въ виду ничто иное, какъ учить и припоминать? *Ад.* Думалось бы, если бы меня не смущало то обстоятельство, что, и когда молимся, мы тоже говоримъ; однако думать, что Богъ чрезъ насъ чему-либо учится, или что-либо припоминаетъ, не пристойно. *Авг.* Тебѣ, полагаю, безъизвѣстно, что молиться въ затворенной клѣтѣ (Мѡ. VI, 6), подъ которою разумѣются тайники нашего духа, намъ заповѣдано потому именно, что Богъ не нуждается въ нашихъ словахъ, которыя бы учили Его или напоминали Ему—доставлять намъ то, чего мы желаемъ. Ибо кто говоритъ, тотъ членораздѣльными звуками проявляетъ свою волю воемъ; Бога же должно и искать и умолять въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ разумной души, которая называется внут-

реннимъ человѣкомъ, поелику Ему угодно было наименовать ее своимъ храмомъ. Развѣ ты не читалъ у апостола: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живлетъ въ васъ* (1 Кор. III, 16), и что Христосъ обитаетъ во внутреннемъ человѣкѣ (Еф. III, 16, 17)? Не останавливалъ ли ты также вниманія на словахъ пророка: *глаголете въ сердцахъ вашихъ, и на ложахъ вашихъ умиляетеся. Пожрите жертву правды и уповайте на Господа* (Псал. IV, 5, 6)? Гдѣ, по твоему мнѣнію, приносится жертва правды, какъ не въ храмѣ ума, въ тайникахъ сердца? А гдѣ надлежитъ приносить жертву, тамъ должно и молиться. Посему, когда мы молимся, иѣтъ нужды въ томъ, чтобъ мы говорили, т. е. въ словахъ, виѣшнимъ образомъ произносимыхъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда эти слова, какъ у священниковъ, служатъ выраженіемъ мысли, дабы не Богъ, а люди слышали оныя, и возбуждая въ себѣ чрезъ припоминаніе иѣкоторое съ ними согласіе, возлагали свое упованіе на Бога. — Но, можетъ быть, ты думаешь иначе? *Ад.* Я совершенно согласенъ съ тобою. *Авг.* Значитъ, тебя не смущаетъ то обстоятельство, что высочайшій Учитель, когда училъ своихъ учениковъ молиться, научилъ ихъ и иѣкоторымъ словамъ (Мѣ. VI, 9), при чемъ Онъ сдѣлалъ, по видимому, не что иное, какъ научилъ ихъ, какія слова должно произносить во время молитвы? *Ад.* Это меня не смущаетъ нисколько: ибо Онъ научилъ ихъ не словамъ, а самымъ предметамъ посредствомъ словъ, которыя бы напоминали имъ, кому и о чемъ должны молиться они, когда молятся, какъ сказано, въ тайникахъ духа. *Авг.* Ты разуждаешь правильно. Полагаю, ты понимаешь также (пускай это и оспариваетъ кто-нибудь), что хотя мы и не произносимъ ни одного звука, тѣмъ не менѣе, представляя въ умѣ самыя слова, говоримъ внутренно, въ душѣ; равнымъ образомъ и когда говоримъ, мы дѣлаемъ не что иное, какъ

припоминаемъ, когда память, въ которой хранятся слова, перебирая ихъ, приводить на умъ тѣ самые предметы, знаками которыхъ эти слова служатъ. *Ад.* Понимаю и соглашаюсь съ этимъ.

ГЛАВА II.

Значеніе словъ показывается человѣкомъ не иначе, какъ словами.

Авг. Итакъ, мы согласны съ тобой, что слова суть знаки. *Ад.* Согласны. *Авг.* А можетъ ли знакъ быть знакомъ, если онъ не означаетъ чего либо? *Ад.* Не можетъ. *Авг.* Сколько словъ въ этомъ напр. стихѣ:

„Если вѣчего изъ такого города богамъ негодно оставить“¹⁾.

Ад. Восемь. *Авг.* Значить, восемь знаковъ. *Ад.* Да, восемь. *Авг.* Полагаю, ты понимаешь этотъ стихъ. *Ад.* Мнѣ кажется, понимаю достаточно. *Авг.* Скажи же мнѣ, что означаетъ каждое слово въ отдѣльности. *Ад.* Хотя я и понимаю, что значить *если*, но другаго слова, которымъ-бы оно могло быть истолковано, не нахожу. *Авг.* Но ты опредѣлишь по крайней мѣрѣ, что такое обозначается этимъ словомъ, гдѣ бы оно ни находилось? *Ад.* Мнѣ кажется, что *если* обозначаетъ сомнѣніе; а сомнѣнію гдѣ же быть, какъ не въ душѣ? *Авг.* Соглашаюсь пока съ этимъ,—продолжай дальше. *Ад.* *Ничего* что другое означаетъ, какъ не то, что не существуетъ. *Авг.* Быть можетъ, ты говоришь и правду; но согласиться съ этимъ мѣшаетъ мнѣ то, съ чѣмъ согласился ты выше, именно-что знакъ не есть знакъ, если онъ чего либо не означаетъ. Но то, что не существуетъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть чѣмъ либо. Поэтому второе слово

¹⁾ „Si nihil ex tanta superis placet urbe relinqui“. Виргил. *Энеида*, кн. II, ст. 659.

въ нашемъ стихѣ не есть знакъ, ибо не обозначаетъ ничего; и мы неправильно согласились съ тобой въ томъ, что всѣ слова—знаки, или что всякій знакъ означаетъ что либо.

Ад. Твое возраженіе слишкомъ сильно; но какъ скоро мы не имѣемъ что обозначить словомъ, то слово наше будетъ безсмысленнымъ; а между тѣмъ разговаривая теперь со мною, ты, полагаю, ни одного звука не издаешь напрасно, а всѣмъ, что исходитъ изъ твоихъ устъ, даешь мнѣ знакъ, дабы я понималъ что либо. Поэтому тебѣ не слѣдовало бы произносить въ разговорѣ этихъ трехъ слоговъ, если бы ты не обозначалъ ими чего либо. Если же ты видишь, что изъ нихъ составляется слово необходимое, и мы учимся и припоминаемъ, когда оно касается нашего уха, то видишь, конечно, и то, что я хочу имъ высказать, хотя и не могу того объяснить. *Авг.* Что же намъ дѣлать? Развѣ скажемъ такъ, что словомъ этимъ обозначается не предметъ, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, а скорѣе нѣкоторое состояніе нашего духа, когда онъ предмета не видитъ, и въ тоже время находить (или думаетъ, что находить), что его нѣтъ?

Ад. Это, быть можетъ, и есть то самое, что силился я объяснить. *Авг.* Оставимъ же это слово, какое бы тамъ оно ни имѣло значеніе, чтобы не случилось съ нами чего либо весьма нелѣпаго. *Ад.* Чего же именно? *Авг.* А того, чтобы насъ незадержало «ничто» и не заставило остаться на мѣстѣ.

Ад. Хотя это и смѣшно, однако какимъ то образомъ это можетъ случиться, да даже очевидно и случилось.

Авг. Въ своемъ мѣстѣ мы, если Богъ дастъ, поймемъ ясное этого рода противорѣчіе; а теперь возвратись къ нашему стиху и постарайся, насколько можешь, объяснить, что означаютъ его остальные слова. *Ад.* Третье слово—предлогъ *изъ*, вмѣсто котораго, по моему мнѣнію, можно сказать *отъ*. *Авг.* Я добиваюсь не того, чтобы ты одно

вполнѣ извѣстное слово замѣнялъ другимъ, также вполнѣ

извѣстнымъ, словомъ, имѣющимъ тоже самое значеніе: хотя еще вопросъ, имѣеть ли оно тоже самое значеніе; по допустимъ пока, что имѣеть. Вѣдь еслибы поэтъ сказалъ не «изъ эакого города», а «отъ эакого», а я спросилъ бы тебя, что означаетъ «отъ»? ты отвѣчалъ бы—«изъ», потому что оба эти слова, т. е. знака, означаютъ, по твоему мнѣнію, нѣчто одно. Но это-то именно неизвѣстное одно, обозначаемое обоими этими знаками, я и хочу знать. *Ад.* Мнѣ кажется, частица «изъ» означаетъ нѣкотораго рода отдѣленіе отъ предмета чего либо въ немъ бывшаго, о чемъ говорится, что оно—изъ этого предмета; пересталъ ли уже существовать самый предметъ, какъ въ этомъ стихѣ, когда по прекращеніи существованія города могли оставаться изъ него нѣкоторыя трояицы, или продолжаетъ существовать, какъ напр. мы говоримъ, что въ Африкѣ находятся куицы изъ города Рима. *Авг.* Я пожалуй соглашусь съ тобою и не стану перечислять тебѣ, какъ много можетъ быть исключеній изъ твоего правила; но ты по брайней мѣрѣ понимаешь ясно, что объяснялъ извѣстнѣйшія слова такими же извѣстнѣйшими словами, т. е. знаки—знаками: между тѣмъ какъ я желалъ, чтобъ ты показалъ мнѣ, если можешь, то именно, знаками чего они служатъ.

ГЛАВА III.

Можно ли объяснить что либо безъ знака.

Ад. Удивляюсь, что ты не знаешь, или вѣрнѣе притворяешься, будто не знаешь, что съ моей стороны рѣшительно не можетъ быть такого отвѣта, какого ты желаешь; потому что когда мы разговариваемъ, мы не можемъ отвѣчать иначе, какъ только словами. Ты спрашиваешь меня о такихъ вещахъ, которыя чѣмъ бы онѣ тамъ ни были, во всякомъ случаѣ не суть слова; а между тѣмъ спрашиваешь меня словами. Спрашивай меня по крайней мѣрѣ безъ словъ,

чтобы и я съ своей стороны могъ отвѣчать тебѣ подѣ тѣмъ же условіемъ *Авг.* Согласенъ, что ты правъ. Но если бы я спросилъ у тебя, что означаютъ два слога, напр., въ словѣ «стѣна»; развѣ ты не могъ бы показать мнѣ пальцемъ, чтобы я прямо увидѣлъ самый предметъ, знакомъ котораго служить это двусложное слово, просто по одному твоему указанію, безъ произнесенія какихъ либо словъ? *Ад.* Я допускаю возможность этого не только по отношенію къ именамъ, которыми обозначаются тѣла, если эти тѣла находятся на лицо. *Авг.* А цвѣтъ называемъ ли мы тѣломъ или же скорѣе—нѣкоторымъ качествомъ тѣла? *Ад.* Качествомъ. *Авг.* Почему же и цвѣтъ можетъ быть указанъ пальцемъ? Не прибавишь ли ты къ тѣламъ и свойствъ тѣлъ, которыя также, если будутъ на лицо, могутъ быть изучаемы безъ словъ? *Ад.* Когда я говорилъ о тѣлахъ, я разумѣлъ подѣ ними все тѣлесное, т. е. все, что въ тѣлахъ доступно чувствамъ. *Авг.* Однако подумай, не пужно ли тебѣ сдѣлать изъ этого какого либо исключенія? *Ад.* Предостереженіе твое основательно: мнѣ слѣдовало бы сказать не «все тѣлесное», а «все видимое». Сознаюсь, что звукъ, запахъ, вкусъ, тяжесть, теплота, и прочее, относящееся къ остальнымъ чувствамъ, хотя и не могутъ быть ощущаемы безъ тѣлъ, и потому тѣлесны, однако пальцемъ указаны быть не могутъ. *Авг.* А развѣ ты не видѣлъ никогда, какъ съ глухими ведутъ своего рода разговоръ посредствомъ жестикуляцій, и сами глухіе, при помощи жестовъ же, и спрашиваютъ, и отвѣчаютъ, и учатъ, и выражаютъ все, что хотятъ, или по крайней мѣрѣ—весьма многое. А если такъ, то безъ словъ можетъ быть указываемо не только лишь видимое, но и звуки, и вкусы, и прочее въ этомъ родѣ. Вѣдь и комедіанты весьма часто представляютъ въ театрахъ цѣлыя басни безъ словъ, посредствомъ пантомимъ. *Ад.* На это я не могу возразить тебѣ ничего, кромѣ того развѣ, что зна-

ченія частицы »изъ« не только я, но и самъ плясунъ — комедіантъ безъ словъ не въ состояніи показать тебѣ.

Авг. Быть можетъ, ты говоришь и правду; но вообразимъ себѣ, что онъ въ состояніи это сдѣлать. Полагаю, ты согласишься не колеблясь, что каково бы ни было то движеніе тѣла, при помощи котораго онъ будетъ стараться показать мнѣ обозначаемый этимъ словомъ предметъ, движеніе то будетъ не самымъ предметомъ, а знакомъ. Посему, и въ этомъ случаѣ онъ будетъ указывать, правда не слово словомъ, но во всякомъ разѣ—знакъ знакомъ, такъ что и эта односложная частица »изъ« и его тѣлодвиженіе означать будутъ нѣчто одно, то самое, что требую я показать мнѣ безъ знака. *Ад.* Но какимъ образомъ, скажи, возможно то, чего ты требуешь? *Авг.* Такимъ же, какъ могла это сдѣлать *стѣна*. *Ад.* Да и она, насколько показала мнѣ это предыдущая аргументація, не можетъ быть указана безъ знака. Ибо указаніе пальцемъ не есть вѣдь стѣна, а знакъ, посредствомъ котораго стѣна можетъ быть узнана. Такимъ образомъ я не вижу ничего, что могло бы быть указано безъ знака. *Авг.* Почему же? Предположимъ, что я спросилъ бы тебя, чтó значитъ ходить, а ты всталъ бы и началъ ходить: не воспользовался ли бы ты въ этомъ случаѣ, чтобы научить меня, скорѣе самымъ дѣломъ, чѣмъ словами, или другими какими либо знаками? *Ад.* Признаюсь, это такъ, и мнѣ стыдно, что я просмотрѣлъ столь очевидную вещь. Теперь и мнѣ представляется тысяча предметовъ, которые могутъ быть указаны сами собою, а не при помощи знаковъ, какъ напр. ѣсть, пить, сидѣть, стоять, кричать, и многое другое. *Авг.* Хорошо; но скажи мнѣ теперь, какъ бы ты научилъ меня, если бы я, совершенно не зная значенія слова »ходить«, спросилъ у тебя, прохаживающагося, чтó значитъ ходить? *Ад.* И продолжалъ бы прохаживаться, только нѣсколько быстрѣе, чтобы этимъ новымъ, послѣ твоего во-

проса, отгѣнкомъ движенія сообщить тебѣ понятіе о томъ, о чемъ спросилъ ты, и это было бы именно то самое, что надлежало бы показать тебѣ. *Авг.* А развѣ ты не знаешь, что иное значить ходить и иное—спѣшить? Ибо какъ тотъ, кто ходить, не всегда спѣшить, такъ равно и кто спѣшить—не непременно ходить: спѣшность бываетъ въ письмѣ, въ разговорѣ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ. Поэтому, если бы ты, что дѣлалъ, началъ дѣлать послѣ моего вопроса быстрѣе, и подумалъ бы, что ходить значить не что иное, какъ спѣшить; приданный тобою движенію новый отгѣнокъ ввелъ бы меня въ заблужденіе. *Ад.* Сознаюсь, что мы не въ состояніи безъ знака дать понятіе о предметѣ, когда насъ спрашиваютъ о томъ, что мы дѣлаемъ, и спрашиваютъ въ тотъ самый моментъ, когда дѣлаемъ: ибо если къ тому, что дѣлаемъ, мы не прибавимъ ничего новаго, спрашивающій подумаетъ, что мы не желаемъ показать ему того, о чемъ онъ спрашиваетъ, и не обращая на него вниманія, продолжаемъ дѣлать, что дѣлали. Но если онъ спроситъ насъ о чемъ либо такомъ, что мы можемъ дѣлать, но въ то время, когда онъ спрашиваетъ, не дѣлаемъ, въ такомъ случаѣ, принявшись послѣ его вопроса за это дѣло, мы можемъ самымъ дѣломъ лучше, чѣмъ знакомъ, показать ему то, о чемъ онъ спрашиваетъ.—Развѣ только въ ту пору, какъ я буду говорить, онъ спроситъ меня, что значить говорить. Въ такомъ случаѣ, что ни скажѹ я, чтобы уяснить ему, и буду по необходимости говорить, и продолжая такъ, и буду говорить до тѣхъ поръ, пока сдѣлаю для него яснымъ то, чего онъ желаетъ, не отрываясь отъ предмета, указать который просилъ онъ, и не ища знаковъ, при помощи которыхъ могъ бы этотъ предметъ быть указанъ, помимо самаго же этого предмета.

ГЛАВА IV.

Объясняются ли знаки знаками.

Авг. Соображеніе весьма остроумное. Такъ стало быть мы согласны теперь съ тобой, что безъ знаковъ можетъ быть указано то, чего мы, когда насъ спрашиваютъ о томъ, или не дѣлаемъ, но можемъ тотчасъ дѣлать, или же и дѣлаемъ, но дѣлаемъ самые знаки? Вѣдь когда мы говоримъ, мы дѣлаемъ знаки, какъ уже сказано объ этомъ. *Ад.* Согласны. *Авг.* Значить, когда спрашивается о какихъ либо знакахъ, то знаки могутъ быть объясняемы знаками; а когда насъ спрашиваютъ о самыхъ предметахъ, которые не суть знаки, въ такомъ случаѣ мы можемъ указывать ихъ или самимъ дѣломъ, если эти предметы—нѣчто такое, что можемъ мы дѣлать послѣ того, какъ о нихъ спрошены, или давая знаки, посредствомъ которыхъ бы они могли быть замѣчены. *Ад.* Это такъ. *Авг.* Итакъ, въ этомъ трочастномъ раздѣленіи подвергнемъ разсмотрѣнію, если угодно, прежде всего то, что знаки объясняются знаками. Одни ли слова суть знаки? *Ад.* Нѣтъ, не одни. *Авг.* Мнѣ кажется, что когда говоримъ, мы обозначаемъ словами либо самыя слова, либо другіе знаки, напр., когда называемъ жечь, или букву: ибо то, что въ этомъ случаѣ обозначается этими двумя словами, представляетъ собою знаки же; либо что нибудь другое, не представляющее собою знака, напр., когда говоримъ «камень»: ибо это слово хотя и представляетъ собою знакъ, такъ какъ означаетъ собою нѣчто; но то, то имъ обозначается, само не есть знакъ. Этотъ послѣдній случай, когда т. е. словами обозначается то, что не представляетъ собою знака, не входитъ въ область, изслѣдовать которую мы себѣ предположили. Мы предположили разсмотрѣть тѣ случаи, когда знаками обозначаются знаки; а такіе случаи бываютъ двухъ родовъ: знаками мы учимъ и припоминаемъ

или тѣ же самые знаки, или иные. Такъ ли это и по твоему мнѣнію? *Ад.* Совершенно такъ.

Авг. Скажи же мнѣ, знаки, когда ими служатъ слова, къ какому чувству относятся? *Ад.* Къ чувству слуха *Авг.* А жесты? *Ад.* Къ чувству зрѣнія. *Авг.* А когда мы встрѣчаемъ слова написанными, неужели они не суть слова? Или ихъ правильнѣе назвать знаками словъ? Въдѣ слово представляетъ собою то, что съ извѣстнымъ значеніемъ произносится членораздѣльнымъ звукомъ; а звукъ не можетъ быть воспринять никакимъ другимъ чувствомъ, кромѣ чувства слуха. Поэтому, когда слово пишется, пишется знакъ для глазъ, при помощи котораго приходило бы на умъ то, что относится къ слуху. *Ад.* Я совершенно согласенъ съ тобою. *Авг.* Полагаю, ты согласишься и съ тѣмъ, что, когда мы говоримъ »имя«, то означаемъ этимъ что нибудь. *Ад.* Разумѣется. *Авг.* Что же? *Ад.* А то именно, чѣмъ что либо называется, напр., Ромулъ, Римъ, мужество, рѣка, и многое другое. *Авг.* А означаютъ ли эти четыре имени какіе нибудь предметы? *Ад.* Означаютъ. *Авг.* Нѣтъ ли какого различія между этими именами и тѣми предметами, которые они означаютъ? *Ад.* Есть и—весьма большое. *Авг.* Желалъ бы я слышать отъ тебя, въ чемъ заключается это различіе. *Ад.* Въ томъ, во-первыхъ, что имена—знаки, а предметы—нѣтъ. *Авг.* Угодно ли тебѣ называть тѣ предметы, которые могутъ быть обозначаемы знаками, небудучи знаками сами, предметами »обозначаемыми«,—подобно тому, какъ называемъ мы предметы, которые могутъ быть видимы, предметами видимыми,—для того, чтобы впередъ удобнѣе было намъ разсуждать о нихъ? *Ад.* Изволь. *Авг.* А не обозначаются ли тѣ четыре знака, которые ты привелъ передъ этимъ, другимъ какимъ нибудь знакомъ? *Ад.* Удивляюсь, что ты полагаешь, будто я забылъ уже дознанное нами, что написанное служить знакомъ тѣхъ знаковъ, ко-

торые произносятся голосомъ. *Авг.* Скажи же, какое между ними различіе? *Ад.* А то, что написанное—видимо, а произносимое голосомъ—слышимо. Ибо, почему тебѣ не допустить и этотъ терминъ, если мы допустимъ терминъ «обозначаемый»? *Авг.* Вполнѣ и съ удовольствіемъ допускаю. Но я опять спрашиваю у тебя, могутъ ли быть тѣ четыре знака обозначены инымъ какимъ нибудь слышимымъ знакомъ, подобно тому, какъ ты припомнилъ это относительно знаковъ видимыхъ? *Ад.* Помню и это, какъ еще болѣе недавно сказанное. Я отвѣчалъ тебѣ, то имя означаетъ собою нѣчто, и въ подтвержденіе этого значенія привелъ тѣ четыре слова; думаю, что и ими, и эти приведенныя мною слова, если они произносятся голосомъ, слышимы. *Авг.* А чѣмъ различаются между собою тотъ слышимый знакъ и эти тобою приведенныя обозначаемыя, которыя въ свою очередь суть знаки? *Ад.* Между тѣмъ, что мы называемъ именемъ, и этими четырьмя знаками, которые приведены мною въ примѣръ имени, по моему мнѣнію, то различіе, что первое есть слышимый знакъ слышимыхъ знаковъ, а послѣдніе хотя и суть знаки, слышимые, но не знаковъ, а частію предметовъ видимыхъ какъ, напр., Ромуль, Римъ, рѣка; частію же предметовъ мысленныхъ, какъ, напр., мужество.

Авг. Согласенъ и одобряю; но знаешь ли ты, что всякій произносимый нами съ извѣстнымъ значеніемъ членораздѣльный звукъ называется словомъ? *Ад.* Знаю. *Авг.* Значить, и имя есть слово, поелику и оно, какъ мы знаемъ, произносится членораздѣльнымъ голосомъ съ извѣстнымъ значеніемъ, такъ что, когда говоримъ мы, напр., что краснорѣчивый человѣкъ въ своей рѣчи употребляетъ изящныя слова, онъ употребляетъ также и имена; и когда у Теренція слуга обратился къ своему старому господину: «пожалуйста, добрыя слова» ¹⁾, тотъ назвалъ и многія

¹⁾ Андр. дѣйств. 1 ец. 2.

имена. *Ад.* Согласенъ. *Авл.* Значить, согласенъ ты и съ тѣмъ, что, когда мы произносимъ, напр., «слово», этими двумя слогами обозначается и имя, и то, чему оно служить знакомъ? *Ад.* Согласенъ. *Авл.* Теперь отвѣть мнѣ и на слѣдующій вопросъ. Если слово—знакъ имени, а имя—знакъ рѣки, рѣка же—знакъ предмета, который можетъ быть уже видимъ, такъ что между этимъ предметомъ и рѣкою, т. е., его знакомъ, и между этимъ знакомъ и именемъ, которое ты назвалъ знакомъ этого знака, существуетъ нѣкоторое различіе: то въ чемъ же, по твоему мнѣнію, заключается различіе между знакомъ имени, за который признали мы слово, и самымъ именемъ, знакомъ котораго служить слово? *А.* Въ томъ, по моему представленію, что обозначаемое именемъ обозначается и словомъ, ибо какъ имя есть слово, такъ точно и рѣка есть слово же; но обозначаемое словомъ не всегда обозначается именемъ. Вѣдь и частица «если», стоящая въ началѣ предложеннаго тобою стиха, а также и предлогъ «изъ», о которомъ мы такъ долго толкуемъ въ настоящей аргументаціи, суть также слова, но отнюдь не имена; и такихъ примѣровъ мы находимъ много. Поэтому, такъ какъ всѣ имена суть слова, но слова не всѣ суть имена: то, по моему мнѣнію, различіе между словомъ и именемъ ясно; оно такое, какое между знакомъ такого знака, который не означаетъ собою никакихъ уже иныхъ знаковъ, и знакомъ такого знака, который, напротивъ, означаетъ иные еще знаки. *Авл.* Согласенъ ли ты, что всякій конь—животное, но не всякое животное—конь? *Ад.* Кто же въ этомъ станетъ сомнѣваться? *Авл.* Слѣдовательно, между именемъ и словомъ такое же различіе, какъ между конемъ и животнымъ; если только согласиться съ этимъ не мѣшаетъ тебѣ то обстоятельство, что словомъ называемъ мы и то, что склоняется по временамъ, напр., пишу, написалъ, говорю, сказалъ, каковыя слова, ясно, не суть имена. *Ад.*

Ты сказалъ сейчасъ именно то, что заставляло еще меня колебаться. *Авг.* Пускай же это не смущаетъ тебя. Въдѣ и знаками вообще мы называемъ все, что означаетъ что либо, въ числѣ чего могутъ быть и слова. Но знаками мы называемъ также и военныя знамена, которыя суть знаки въ собственномъ смыслѣ и подѣ которыми слова не разумѣются. Теперь, если бы я сказалъ тебѣ, что какъ всякій конь—животное, но не всякое животное—конь, такъ точно всякое слово—знакъ, но не всякій знакъ—слово, ты, думаю, нисколько въ этомъ не усумнился бы. *Ад.* Теперь я понимаю и совершенно согласенъ, что между словомъ вообще и именемъ такое же различіе, какъ между животнымъ и конемъ.

Авг. А знаешь ли ты также, что когда мы говоримъ «животное», иное есть это четырехсложное имя, произносимое голосомъ, и иное—то, что имъ обозначается. *Ад.* Съ этимъ я уже согласился выше относительно всѣхъ знаковъ и всего обозначаемого. *Авг.* А всѣ ли знаки, по твоему мнѣнію, означаютъ иное, чѣмъ они сами подобно тому, какъ, когда мы говоримъ «животное», это четырехсложное слово ни въ какомъ случаѣ не означаетъ того, что оно само по себѣ? *Ад.* Не всѣ конечно; ибо слово «знакъ», напр., означаетъ не только прочіе, какіе только существуютъ, знаки, но и само себя: оно—слово, а всѣ слова—непримѣнно знаки. *Авг.* А непримѣнно ли что нибудь подобное и къ этому, изъ двухъ слоговъ состоящему, рѣченію «слово»? Въдѣ если этимъ двухсложнымъ словомъ обозначается все, что съ известнымъ значеніемъ произносится членораздѣльно голосомъ, то къ тому же роду принадлежитъ и само оно. *Ад.* Это такъ. *Авг.* А нѣтъ ли чего подобнаго по отношенію и къ имени? Ибо оно означаетъ и имена всѣхъ родовъ, и само—имя среднего рода. Въдѣ если бы я спросилъ у тебя, къ какой части рѣчи принадлежитъ имя, отвѣтъ твой будетъ правильнымъ только въ томъ случаѣ, если скажешь, что

оно — имя (*существительное*). *Ад.* Ты говоришь правду. *Авл.* Итакъ, есть знаки, которые, означая другое, означаютъ и самихъ себя. *Ад.* Есть. *Авл.* Не представляется ли тебѣ такимъ знакомъ и этотъ двухсложный знакъ, — «союзъ»? *Ад.* Ни въ какомъ случаѣ, ибо то, что имъ обозначается, не суть имена; самъ же онъ — имя.

ГЛАВА V.

Знаки, означающіе взаимно другъ друга.

Авл. Ты понялъ хорошо. Теперь обрати вниманіе на то, не встрѣчается ли такихъ знаковъ, которые бы означали другъ другъ взаимно, такъ чтобы вотъ-это обозначалось тѣмъ, а то въ свою очередь — этимъ. Двухсложное слово «союзъ» и то, что имъ обозначается, напр. «если», «или», «ибо», «такъ какъ», «развѣ», «итакъ», «поелику» и под., въ такомъ взаимномъ отношеніи не находятся: потому что всѣ эти частицы обозначаются однимъ этимъ терминомъ, самъ же онъ не обозначается ни одною изъ нихъ. *Ад.* Понимаю, и желаю бы знать, какіе это знаки, взаимно означающіе одни другіе? *Авл.* Итакъ, ты не знаешь, что, когда мы говоримъ, напр., «имя» и «слово», мы произносимъ два слова? *Ад.* Знаю. *Авл.* А когда говоримъ «имя» и «слово», не знаешь, что мы произносимъ два имени? *Ад.* Знаю и это. *Авл.* Слѣдовательно ты знаешь, что какъ имя означается словомъ, такъ, въ свою очередь, и слово — именемъ. *Ад.* Согласенъ съ этимъ. *Авл.* Можешь ли ты сказать, чѣмъ они различаются между собою, за исключеніемъ того, что пишутся и произносятся различнымъ образомъ? *Ад.* Пожалуй, могу: думаю, различіе это указано уже мною нѣсколько раньше. Когда мы говоримъ «слова» мы обозначаемъ этимъ все, что съ извѣстнымъ значеніемъ произносится членораздѣльно голосомъ; отсюда, всякое имя, а равно

и самый терминъ „имя“ есть слово, но не всякое слово есть имя (*существительное*), хотя самый терминъ «слово» есть имя (*существительное*).

Авг. Ну а еслибы ктонибудь началъ утверждать и доказывать тебѣ, что какъ всякое имя есть слово, такъ равно и всякое слово—имя: могъ ли бы въ такомъ случаѣ найти между ними какоенибудь различіе, кромѣ различнаго звука въ буквахъ? *Ад.* Не могъ бы да и не думаю рѣшительно, чтобы между ними было тогда какоенибудь различіе. *Авг.* Ну а если все, что съ извѣстнымъ значеніемъ произносится членораздѣльно голосомъ, хотя и представляетъ собою и слова, и имена, однако по одной причинѣ бываетъ словомъ, а по другой—именемъ: развѣ между именемъ и словомъ не будетъ въ такомъ случаѣ никакого различія? *Ад.* Не понимаю, какимъ это образомъ. *Авг.* Ну, а понимаешь, по крайней мѣрѣ, что все окрашенное видимо, а все видимое окрашено, хотя эти два слова имѣютъ каждое свое и различное значеніе? *Ад.* Это понимаю. *Авг.* Но вѣдь точно также и всякое слово можетъ быть именемъ, и всякое имя—словомъ, хотя эти два имени или слова имѣютъ и различное значеніе? *Ад.* Вижу теперь, что это можетъ быть; но какъ это можетъ быть, прошу показать мнѣ. *Авг.* Полагаю, ты знаешь, что все, съ извѣстнымъ значеніемъ произносимое членораздѣльно голосомъ, прежде всего поражаетъ ухо, добы могло быть чувствуемо, а затѣмъ передается памяти, чтобы могло быть познано. *Ад.* Знаю. *Авг.* Слѣдовательно происходятъ два явленія, когда что либо произносится голосомъ. *Ад.* Это такъ. *Авг.* Ну, а если названіе »слово« произошло отъ одного изъ этихъ двухъ явленій, а названіе »имени« отъ другого ¹⁾—т. е. слово отъ

¹⁾ Слово по латиня—*verbum* отъ *verberare*—бить, ударять, имя—*nomen* отъ *noscere*—знать.

того, что поражаетъ (*ухо*), а имя отъ познанія, такъ что первое дано слухомъ, а второе душою?

Ад. Соглашусь съ тобою, если ты покажешь, какимъ бы это образомъ мы могли правильно называть каждое слово именемъ. *Авг.* Сдѣлать это легко. Думаю, что ты заучилъ и помнишь, что такъ называемое мѣстоименіе ставится вмѣсто имени, хотя обозначаетъ предметъ и менѣе полно, чѣмъ имя (*существительное*). Полагаю, что тотъ, у кого ты изучалъ грамматику такъ опредѣлилъ его: «Мѣстоименіе есть часть рѣчи, поставляемая вмѣсто имени (*существительнаго*) и имѣющая то же самое, только менѣе полное, значеніе». *Ад.* Припоминаю это опредѣленіе и одобряю его. *Авг.* Итакъ ты видишь, что, согласно съ этимъ опредѣленіемъ, мѣстоименія служатъ только именамъ и могутъ быть поставляемы только вмѣсто нихъ; напр., когда говоримъ: «сей мужъ», «самъ царь», «таже женщина», «это золото», «оное серебро»,—*сей, самъ, таже, это, оное* суть мѣстоименія, а *мужъ, царь, женщина, золото, серебро*—имена, которыми предметы обозначаются полнѣе, нежели вышеприведенными мѣстоименіями. *Ад.* Вижу и согласенъ съ этимъ. *Авг.* Назови же мнѣ теперь нѣсколько какихъ нибудь союзовъ. *Ад.* *И, а, но, же.* *Авг.* Не кажется ли тебѣ все то, что ты назвалъ, именами? *Ад.* Рѣшительно нѣтъ. *Авг.* По крайней мѣрѣ, правильно ли, по твоему мнѣнію, выразился я, когда сказалъ: «все то, что ты назвалъ»? *Ад.* Совершенно правильно, и я уже понимаю, съ какимъ удивительнымъ искусствомъ покажешь ты мнѣ сейчасъ, что я перечислилъ тебѣ имена (*существительныя*); ибо въ противномъ случаѣ о перечисленномъ мною не могло бы быть сказано: «все т». Но при этомъ я опасаясь еще, не потому ли ты представляешься мнѣ правильно выразившимся, что приведенные мною четыре союза я считаю словами; такъ что по отношенію къ нимъ выраженіе »все

Блаженнаго Августина.

то« могло быть правильнымъ потому собственно, что правильно выраженіе »всѣ эти слова«. А если ты спросишь у меня, къ какой части рѣчи относится *словѣ*, я отвѣчу—къ имени существительному. Къ этому, вѣроятно, существительному и относилось у тебя мѣстоименіе, такъ что выраженіе твое было правильнымъ.

Авг. Хотя ты и остроумно ошибаешься, но чтобы перестать ошибаться, остроумно внимни въ то, что буду я говорить, если только смогу высказать это, какъ желаю, потому что толковать о словахъ словами тоже, что, сложивъ руки, тереть пальцы о пальцы: кромѣ самого такъ дѣлающаго, едва ли кто можетъ распознать, какіе именно пальцы зудятъ, а какіе помогаютъ зудящимъ. *Ад.* Я весь—вниманіе, ибо самый этотъ примѣръ твой крайне заинтересовалъ меня. *Авг.* Слова, безъ сомнѣнія, состоятъ изъ звука и буквъ. *Ад.* Такъ. *Авг.* Воспользуемся же лучше всего такимъ свидѣтельствомъ, которое для насъ всего дороже. Когда ап. Павелъ говоритъ: *не бысть въ Немъ (І. Христѣ) ей и ни, но въ Немъ Самомъ ей бысть* (2 Кор I, 19), слѣдуетъ, мнѣ кажется, думать, что въ І. Христѣ были не тѣ двѣ буквы, которыя мы произносимъ, говоря *ей*, а скорѣе то, что этими двумя буквами обозначается. *Ад.* Ты говоришь правду. *Авг.* Итакъ, ты понимаешь, что апостоль, сказавши: *въ Немъ Самомъ ей бысть*, сдѣлалъ не что иное, какъ словомъ *ей* назвалъ то, что было въ І. Христѣ; подобно тому, какъ если бы апостоль сказалъ: »въ Немъ была добродѣтель«, надлежало бы согласиться, что онъ сдѣлалъ не что иное, какъ назвалъ добродѣтелью то, что въ І. Христѣ было: не эти четыре слога, которые мы произносимъ, говоря »добродѣтель«, должны мы думать, были во Христѣ, а то, что этими слогами обозначается. *Ад.* Понимаю и соглашаюсь. *Авг.* А неужели не понимаешь того, что нѣтъ никакого различія, сказать ли »назвалъ добродѣтель«, или же »про-

изнесъ имя добродѣтели? *Ад.* Ясно. *Авл.* Значить ясно и то, что нѣтъ никакого различія, сказать ли „словомъ ей назвалъ“, или же „наименовалъ“ то, что было въ І. Христѣ.

Ад. Вижу, что тутъ нѣтъ никакого различія. *Авл.* Не видишь ли теперь, что хотѣлъ я показать тебѣ? *Ад.* Не выполнѣ еще. *Авл.* Не видишь, значить, что имя—это то, чѣмъ извѣстный предметъ называется? *Ад.* Несомнѣннѣ этого не вижу ничего. *Авл.* Смотри же: *ей*—имя, если имъ называется то, что было въ І. Христѣ. *Ад.* Не могу этого отрицать. *Авл.* Но если бы я спросилъ у тебя, къ какой части рѣчи принадлежить *ей*, ты, думаю, сказалъ бы такъ, что оно—не имя, а слово, хотя аргументація наша и показываетъ, что оно—имя. *Ад.* Это совершенно такъ, какъ ты говоришь. *Авл.* Сомнѣваешься ли еще, что именами бызаютъ и прочія части рѣчи, какъ это мы доказали? *Ад.* Не сомнѣваюсь, поелику допускаю, что онѣ обозначаютъ собою нѣчто. Но если бы ты спросилъ о самыхъ обозначаемыхъ ими вещахъ, какъ называется или какое носить имя въ отдѣльности каждая изъ нихъ, я не могъ бы дать тебѣ другаго отвѣта, кромѣ того, что это части рѣчи, которыя не называются именами, но которыя, какъ вижу, мы имѣемъ основанія называть именами.

Авл. А не смущаетъ ли тебя опасеніе, какъ бы не отыскался человѣкъ, который бы расшаталъ эту нашу аргументацію, сказавши, что апостолу приписывать нужно авторитетъ не словъ, а предметовъ; почему основаніе нашего убѣжденія въ первомъ не столь твердо, какъ мы это думаемъ. Вѣдь, можетъ быть, что Павелъ, хотя жилъ и училъ самымъ правильнымъ образомъ, однако, когда сказалъ: «въ Немъ Самомъ ей бысть», выразился неправильно, особенно, если и самъ онъ признаетъ себя неискуснымъ въ словѣ (2 Кор., XI, 6).—Какъ бы, по твоему мнѣнію, слѣдовало опровергнуть такого человѣка? *Ад.* Не имѣю ничего,

что въ данномъ случаѣ я представилъ бы въ опроверженіе, и потому прошу тебя отыскать изъ числа людей, обладающихъ высшимъ знаніемъ словъ кого нибудь такого, опираясь на авторитетъ котораго ты скорѣе бы могъ достигнуть того, чего желаешь. *Авг.* Неужели, помимо всякихъ авторитетовъ, тебѣ представляется недостаточнымъ тотъ здравый смыслъ, при помощи котораго мы доказали, что каждою изъ частей рѣчи что нибудь да обозначается, а слѣдовательно и называется; если же называется, то и именуется, а если именуется, то именуется непременно именемъ? Это весьма легко подтверждается при существованіи различныхъ языковъ. Вѣдь, если бы ты спросилъ: какъ у грековъ называется то, что у насъ называется словомъ «кто»; — тебѣ отвѣтятъ *τίς*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «хочу», — отвѣтятъ *θέλω*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «хорошо», — отвѣтятъ *καλῶς*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «написанное», — отвѣтятъ *τὸ γεγραμμένον*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется «отъ», — отвѣтятъ *ἀπό*; какъ называется у нихъ то, что у насъ называется „увы“, — отвѣтятъ *οἶ*; во всѣхъ этихъ случаяхъ спрашивающій не имѣлъ бы права употребить мѣстоименія „что“, если бы перечисленные мною части рѣчи не были именами. Итакъ, если оставивъ въ сторонѣ авторитеты всякихъ ораторовъ, мы можемъ доказать, что апостолъ Павелъ выразился правильно: то какая нужда искать намъ человека, авторитетъ котораго бы подтверждалъ наше мнѣніе?

Но, — чтобы кто нибудь болѣе тупой или болѣе безстыдный не продолжалъ настаивать на своемъ и не сталъ утверждать, что онъ можетъ подчиниться развѣ только тѣмъ авторитетамъ, которые общимъ мнѣніемъ признаются законодателями языка, — что можетъ быть указано на латинскомъ языкѣ превосходнѣе сочиненій Цицерона? А между тѣмъ,

въ своихъ знаменитѣйшихъ рѣчахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Верресовскихъ“, онъ предлогъ *сogar*, хотя поставленный у него въ томъ мѣстѣ въ качествѣ нарѣчія, называлъ именемъ. Возможно, пожалуй, что я понимаю это мѣсто не такъ хорошо, и что въ другомъ случаѣ оно или мною, или другимъ можетъ быть изъясняемо и иначе; но есть и такое, противъ котораго, думаю, нельзя ничего возразить. Знаменитѣйшіе учителя діалектики говорятъ, что полная мысль, которая можетъ быть утверждаема или отрицаема, состоитъ изъ имени (*существительнаго*) и глагола,—такую мысль въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Туллій, называетъ предложениемъ,—и что, коль скоро есть третье лицо глагола, при немъ, говорятъ они, необходимо долженъ быть именительный падежъ имени (*существительнаго*). И они говорятъ это справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, если вмѣстѣ со мною ты размотришь слѣдующія, напр., выраженія: „человѣкъ сидитъ“, „конь бѣжитъ“, то, полагаю, признаешь, что эти выраженія суть два предложенія. *Ад.* Признаю. *Авг.* Не видишь ли, что въ каждомъ изъ этихъ двухъ предложеній есть свое особое имя, въ одномъ—„человѣкъ“, въ другомъ—„конь“, а равно—и особый глаголъ, въ одномъ—„сидитъ“, въ другомъ—„бѣжитъ“? *Ад.* Вижу. *Авг.* Значить, если бы я сказалъ только: „сидитъ“, или „бѣжитъ“, ты имѣлъ бы право спросить у меня „кто“ или „что“, съ цѣлію, чтобы я отвѣтилъ „человѣкъ“, или „конь“, или „животное“, или что нибудь другое, дабы присоединенное къ глаголу имя могло исполнить предложеніе, т. е. ту мысль, которая можетъ быть утверждаема или отрицаема. *Ад.* Понимаю. *Авг.* Обрати теперь вниманіе на дальнѣйшее, и представь себѣ, что мы видимъ нѣчто слишкомъ далекое, и не знаемъ въ точности, животное ли то, или камень, или иное что; а я сказалъ бы тебѣ: „это животное, поелику—человѣкъ“? Не сказалъ ли бы я безразсудно? *Ад.* Совершенно безразсудно; но ты выра-

зился бы нисколько не безразсудно такимъ образомъ: „это—животное, если оно—человѣкъ“. *Авг.* Ты говоришь правильно. И такъ, въ твоёмъ выраженіи мнѣ нравится „если“, нравится оно и тебѣ; но и тебѣ, и мнѣ не нравится въ моёмъ—„поелику“. *Ад.* Согласенъ. *Авг.* Смотри же теперь, полныя ли предложенія представляютъ собою слѣдующія двѣ мысли: нравится—*если*, не нравится—*поелику*? *Ад.* Совершенно полныя. *Авг.* Угажи же мнѣ, что тутъ—глаголы и что—имена? *Ад.* Глаголы—„нравится“ и „не нравится“, а имена—что же другое, какъ не „если“ и „поелику“? *Авг.* Значить, достаточно доказано, что эти два союза суть и имена. *Ад.* Совершенно достаточно. *Авг.* Не можешь ли ты теперь и самъ по этой же правилу дѣлать тоже самое и съ прочими частями рѣчи? *Ад.* Могу.

ГЛАВА VI.

Знаки сами себя обозначающіе.

Авг. Перейдемъ теперь къ другому предмету. Скажи мнѣ, не представляется ли тебѣ, что все имена суть названія, а все названія—имена, подобно тому, какъ мы признали, что все слова суть имена, а имена—слова? *Ад.* Кромѣ различнаго звука въ слогахъ, между тѣмъ и другимъ я рѣшительно не вижу различія. *Авг.* Пока не возражаю тебѣ, хотя есть люди, которые различаютъ ихъ и по значенію; мнѣніе ихъ, въ данную минуту, подвергать разсмотрѣнію не считаю нужнымъ. Но ты, безъ сомнѣнія, понимаешь, что мы перешли теперь къ такимъ знакамъ, которые обозначали бы себя взаимно, не различаясь между собою ничѣмъ, кромѣ звука, и которые бы означали вмѣстѣ со всеми прочими частями рѣчи и самихъ себя. *Ад.* Этого не понимаю. *Авг.* Значить, ты не понимаешь, что имя обозначается названіемъ, а названіе—именемъ, и при томъ такъ, что, за исключеніемъ звука буквъ, они ничѣмъ не различаются между

собою, насколько это касается имени вообще: ибо частище именемъ (существительнымъ) называемъ мы то, что въ ряду восьми частей рѣчи занимаетъ такое положеніе, что не обнимаетъ остальныхъ семи. *Ад.* Понимаю. *Авг.* А это и есть то, что сказалъ я, именно—что названіе и имя означаютъ себя взаимно.

Ад. Понимаю, но спрашиваю, что означаютъ твои слова: »которые бы вмѣстѣ со всѣми прочими частями рѣчи означали и самихъ себя«? *Авг.* Не показала ли намъ предыдущая аргументація, что всѣ части рѣчи могутъ быть названы именами и названіями, т. е. могутъ быть обозначаемы словами: имя и названіе? *Ад.* Это такъ. *Авг.* Ну, а если бы я спросилъ тебя, чѣмъ называешь ты само имя, т. е. самый звукъ, выражаемый его двумя слогами, не правиленъ ли будетъ отвѣтъ твой, что оно—имя (*существительное*)? *Ад.* Правиленъ. *Авг.* А означаетъ ли себя подобнымъ же образомъ знакъ, который выражаемъ мы двумя слогами, когда говоримъ „союзъ“? Бѣдѣ это имя не можетъ быть поставлено въ число того, что само оно обозначаетъ. *Ад.* Понимаю. *Авг.* А это и значитъ то, что сказано мною, именно—что имя въ ряду того, что оно означаетъ, означаетъ и само себя; а что въ этомъ родѣ можно сказать о названіи, ты поймешь самъ. *Ад.* Это уже не трудно; но мнѣ пришло теперь на мысль, что имя имѣетъ общее и частное значеніе; между тѣмъ какъ названіе не находится въ ряду восьми частей рѣчи: поэтому, я полагаю, что имя и названіе различаются между собою и этимъ, а не однимъ лишь различнымъ звукомъ. *Авг.* А различаются ли, думаешь ты, имя и *соедѣ* чѣмъ либо еще, кромѣ того звука, которымъ различаются между собою языки латинскій и греческій? *Ад.* На этотъ разъ другаго различія между ними не вижу никакого. *Авг.* Итакъ, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: знаки могутъ означать и самихъ себя; одинъ знакъ можетъ вза-

имно означаться другимъ; что обозначается однимъ, тоже обозначается и другимъ; что есть знаки, которые за исключеніемъ звука, не различаются между собою ничѣмъ. Последнее положеніе найдено нами только теперь; первыя же три разумѣются относительно имени и слова. *Ад.* Совершенно такъ.

ГЛАВА VII.

Эпilogъ предыдущихъ главъ.

Авг. Теперь я желаю бы, чтобы ты сдѣлалъ обзоръ того, къ чему пришли мы въ своей бесѣдѣ. *Ад.* Сдѣлаю, насколько могу. Припоминаю прежде всего, что мы съ тобой заняты были нѣкоторое время изслѣдованіемъ вопроса, съ какою цѣлю мы говоримъ, и остановились на томъ, что говоримъ съ цѣлю учить и припоминать, потому что и когда спрашиваемъ, мы дѣлаемъ это не съ иною какою цѣлю, какъ съ тою, чтобы спрашиваемый учился тому, что желаемъ мы слышать отъ него; нѣніе же, которымъ мы занимаемся, очевидно, ради удовольствія, не составляетъ говоренія въ собственномъ смыслѣ; а въ молитвѣ къ Богу, о Которомъ мы не можемъ думать, чтобы Онъ учился или припоминалъ, слова имѣютъ то значеніе, что, при помощи ихъ, или мы надоумливаемъ самихъ себя, или же припоминаютъ и учатся черезъ насъ другіе. Наконецъ, когда достаточно уяснилось, что слова—не что иное, какъ знаки, и что знаки не могутъ быть знаками, если они не означаютъ чего либо, ты предложилъ стихъ, значеніе отдѣльныхъ словъ котораго старался я показать; стихъ этотъ слѣдующій:

„Если ничего изъ такого города богамъ не угодно оставить“.

Хотя второе слово этого стиха весьма извѣстно и ясно, однако мы не могли открыть, что оно означаетъ. Когда я высказалъ мнѣніе, что мы употребили это слово въ разговорѣ не напрасно, а при помощи его слушающій

насъ учится чему либо, ты отвѣчалъ, что слово это начинается, вѣроятно, состояніе нашего ума, когда онъ находитъ, или считаетъ себя нашедшимъ, что предмета, котораго онъ ищетъ, не существуетъ; впрочемъ, избѣгая шуточно какой-то, не знаю, трудности вопроса, ты отложилъ разъясненіе его до другаго времени.—Не думай, чтобы я забылъ твое обѣщаніе!—Затѣмъ, когда я старался объяснить третье слово въ нашемъ стихѣ, ты потребовалъ отъ меня, чтобы я указывалъ не на другое слово, имѣющее тоже самое значеніе, а скорѣе—на самый предметъ, который означается этимъ словомъ. И послѣ того, какъ мною было сказано, что, когда говоримъ, мы не можемъ этого сдѣлать, было приступлено къ изслѣдованію того, что спрашивающему можетъ быть указано пальцемъ. Я высказалъ мнѣніе, что пальцемъ можетъ быть указано все тѣлесное; но потомъ мы нашли, что такимъ образомъ указать можно только лишь видимое. Отсюда, не знаю ужъ какимъ образомъ, мы перешли къ глухимъ и комедіантамъ, которые обозначаютъ, не пользуясь голосомъ, при помощи лишь жеста, не только то, что можетъ быть видимо, но и многое другое, даже почти все, о чемъ говоримъ мы; и эти жесты мы признали знаками. Тогда мы снова приступили къ изслѣдованію вопроса о томъ, какимъ образомъ можемъ мы, помимо всякихъ знаковъ, указать самыя предметы, обозначаемые этими знаками, такъ какъ было доказано, что и стѣна, и цвѣтъ, и вообще все видимое, что указывается пальцемъ, указывается при посредствѣ какого либо знака. Когда я при этомъ по ошибкѣ сказалъ, что ничего подобнаго найти нельзя, мы разъяснили далѣе, что безъ знака можетъ быть показано то, чего мы, когда насъ о томъ спрашиваютъ, не дѣлаемъ, но послѣ вопроса можемъ дѣлать; но что говореніе не относится однакоже къ этому роду предметовъ, поелику достаточно ясно, что если насъ, когда мы говоримъ, спросятъ о томъ,

что значить говорить, то это легко показать самымъ дѣломъ.

Отсюда мы пришли къ заключенію, что мы можемъ указывать или знаки знаками; или нѣчто иное, не представляющее собою знаковъ, знаками же; или наконецъ—самые предметы, которыми, послѣ изслѣдованія, можемъ заняться, безъ знака. На разсмотрѣніи и изслѣдованіи перваго изъ этихъ трехъ положеній мы остановились наиболѣе внимательно. Путемъ этого изслѣдованія мы пришли къ тому результату, что съ одной стороны есть такіе знаки, которые не могутъ быть взаимно обозначаемы тѣми знаками, которые сами означаютъ, какъ напр. двухсложное слово „союзъ“; съ другой—есть такіе, которые могутъ, какъ напр., когда говоримъ „знакъ“, мы обозначаемъ имъ и слово; а когда говоримъ „слово“, имъ обозначаемъ и знакъ. Ибо знакъ и слово въ одно и тоже время суть и два знака, и два слова. Было показано, что въ числѣ этихъ знаковъ, означающихъ взаимно другъ друга, нѣкоторые имѣютъ не равносильное значеніе, нѣкоторые же—равносильное, а нѣкоторые—и совершенно тождественное. Дѣйствительно, односложное слово „знакъ“, напр., обозначаетъ собою рѣшительно все, чѣмъ что либо означается; напротивъ того „слово“ представляетъ собою знакъ не всякихъ знаговъ, а только тѣхъ, которые произносятся членораздѣльнымъ голосомъ. Отсюда ясно, что хотя знакомъ обозначается и слово, а словомъ—знакъ, т. е. слоги перваго—слогами втораго, и наоборотъ, однако знакъ имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели слово, т. е. слогами перваго обозначается болѣе, чѣмъ слогами послѣдняго. Слово же вообще и имя вообще имѣютъ равносильное значеніе. Ибо было доказано, что все части рѣчи суть и имена, потому что къ нимъ примѣнимы мѣстоименія, и относительно всехъ ихъ можно сказать, что ими именуется что нибудь, и въ ряду ихъ нѣтъ ни одной, которая не могла бы, когда соединится съ глаголомъ, не составить полного

предложенія. Но хотя имя и слово имѣють равносильное значеніе: потому что все, что представляет собою слово, есть и имя; однако они—не одно и тоже. Было разъяснено съ достаточною вѣроятностію, что по одной причинѣ высказываемое нами называется словами, а по другой—именами. Ибо, что слово свое названіе имѣеть отъ того, что оно касается слуха, а имя—отъ того, что приноминается душою, можно понять уже изъ того, что желая упредить въ памяти извѣстный предметъ, мы говоримъ весьма просто, что предметъ этотъ имѣеть такое-то имя; но не имѣемъ обыкновенія говорить, что онъ имѣеть такое-то слово. Изъ числа же знаковъ, которые имѣють не только равносильное, но и совершенно тождественное значеніе, и между которыми не существуетъ другаго различія, кромѣ различнаго звука буквъ, мы нашли имя и *бюдж*. При этомъ дѣйствительно у меня ускользнуло изъ вниманія, что изъ числа знаковъ, взаимно означающихъ другъ друга, мы не нашли ни одного, который между означаемымъ прочимъ не обозначалъ бы и самъ себя.— Вотъ все, что я могъ припомнить. Хорошо ли и въ надлежащемъ ли порядкѣ пересказалъ я это, суди самъ; потому что ты, думаю, въ этой бесѣдѣ не сказалъ ни одного слова иначе, какъ съ знаніемъ дѣла и съ убѣжденіемъ.

ГЛАВА VIII.

Разсуждалось обо всемъ этомъ не напрасно. Чтобы дать отвѣтъ спрашивающему, душа наша, услышавъ знаки, должна переноситься къ обозначаемымъ этими знаками предметамъ.

Авг. Ты хорошо припомнилъ все, чего я желалъ, и я долженъ признаться тебѣ, что все это представляется мнѣ теперь гораздо яснѣе и раздѣльнѣй, чѣмъ въ то время, когда мы оба съ тобой выводили это на свѣтъ изъ какого-то

мрака путемъ изслѣдованія и разсужденія. Но чего я старался достигнуть съ тобою такими околичностями, въ данное время высказать трудно. Быть можетъ, ты думаешь, что мы съ тобой забавляемся и отвлекаемъ духъ отъ серьезныхъ предметовъ какъ-бы нѣкоторыми ребяческими вопросами, или занимаемся изслѣдованіемъ предмета пустой или посредственной важности; или же, если и подозреваешь, что настоящее наше состязаніе можетъ имѣть своимъ результатомъ нѣчто великое, то желаешь немедленно же знать, или, по крайней мѣрѣ, слышать объ этомъ. Съ своей стороны я желалъ бы, чтобы ты вѣрилъ, что, въ настоящей нашей бесѣдѣ, я не забавлялся пустыми шутками, и если шутилъ подъ часъ, этого не слѣдуетъ цѣнить съ точки зрѣнія ребяческаго смысла. Я думалъ о благахъ не маловажныхъ или посредственныхъ. Но если я скажу, что есть нѣкая блаженная и вѣчная жизнь, и я желалъ бы, чтобы мы достигли ея подъ руководствомъ Бога, т. е. самой истины, какими либо ступенями, приспособленными къ нашей нетвердой поступи, то онасаюсь, какъ бы мнѣ не показаться смѣшнымъ изъ-за того, что началъ такой путь съ разсмотрѣнія не самыхъ вещей, обозначааемыхъ знаками, а знаковъ. Итакъ, извини меня, если я начинаю съ тобою прелюдію не ради игры, а ради упражненія силъ и остроты ума, при помощи которыхъ мы могли бы не только переносить, но и любить свѣтъ и теплоту той страны, въ которой находится блаженная жизнь. *Ад.* Продолжай, лучше, какъ началъ: я никогда не подумаю, чтобы то заслуживало пренебреженія, что ты нашелъ нужнымъ говорить или дѣлать.

Авг. Разсмотримъ же теперь тѣ случаи, когда знаками обозначаются не знаки, а то, что назвали мы „обозначаемымъ“. И прежде всего, скажи мнѣ: человекъ — есть ли человекъ? *Ад.* Вотъ теперь я ужъ не знаю, не шутишь ли ты. *Авг.* Почему такъ? *Ад.* А потому, что думаешь, будто

слѣдуетъ еще спрашивать меня о томъ, не есть ли чело-
вѣкъ иное что нибудь, чѣмъ человѣкъ. *Авт.* Точно также
ты, вѣроятно, подумалъ бы, что я издѣваюсь надъ тобой,
если бы спросилъ у тебя, не суть ли первые два слога
этого имени иное что нибудь, чѣмъ *чело*, а послѣдній—
иное, чѣмъ *вѣкз*. *Ад.* Совершенно вѣрно. *Авт.* Но эти три
слога, вмѣстѣ соединенные, суть ли человѣкъ; или ты отри-
цаешь это? *Ад.* Кто же станетъ это отрицать? *Авт.* Въ та-
комъ случаѣ я спрошу тебя: эти три слога, соединенные
вмѣстѣ, не ты ли? *Ад.* Ни въ какомъ случаѣ. Но понимаю,
къ чему ты клонишь. *Авт.* Въ такомъ случаѣ скажи, чтобы
я не представился тебѣ человѣкомъ, желающимъ обидѣть
тебя. *Ад.* Ты думаешь вывести то заключеніе, что я не че-
ловѣкъ? *Авт.* А развѣ ты не то же самое, думаешь, какъ
скоро согласился, что вѣрно все предыдущее, откуда выте-
каетъ это? *Ад.* Я не скажу тебѣ, что думаю, если прежде
не услышу отъ тебя, о трехъ ли тѣхъ слогахъ спросилъ
ты меня, когда задалъ вопросъ „человѣкъ—человѣкъ ли“,
или же о самой вещи, которую они означаютъ? *Авт.* Лучше
отвѣть мнѣ ты, въ какомъ смыслѣ понялъ ты вопросъ мой:
вѣдь если онъ—вопросъ двусмысленный, ты долженъ былъ
отвѣчать мнѣ не прежде, какъ выяснивъ для себя, въ ка-
комъ смыслѣ я спросилъ тебя. *Ад.* Чѣмъ же помѣшала бы
мнѣ эта двусмысленность, если бы я на то и другое отвѣ-
чалъ такимъ образомъ: человѣкъ во всякомъ случаѣ есть
человѣкъ; ибо и тѣ три слога суть не что иное, какъ тѣ
именно три слога, и означаемое ими—не что иное, какъ то,
что оно есть. *Авт.* Отвѣтъ—тонкій; но почему ты въ томъ
и другомъ смыслѣ понялъ лишь одно слово „человѣкъ“, но
не остальное, что нами говорилось? *Ад.* Откуда же видно,
что и остальное я понялъ не также? *Авт.* Да не говоря о
чемъ другомъ, самый первый вопросъ мой, если бы ты по-
нялъ весь въ томъ смыслѣ, что звучать лишь слоги, ты

не отвѣтилъ бы мнѣ ничего; вѣдь тебѣ могло бы показаться, что я ни о чемъ и не спрашиваю тебя. А между тѣмъ когда я произнесъ три слова, изъ коихъ одно въ началѣ я повторилъ дважды, сказавъ: „человѣкъ—человѣкъ ли есть“,—ты два послѣднія слова понялъ не какъ знаки, а какъ то, что ими обозначается; это видно по крайней мѣрѣ изъ того, что ты тотчасъ же счелъ нужнымъ отвѣчать на вопросъ. *Ад.* Ты говоришь правду *Авг.* Почему же только поставленное въ началѣ тебѣ вздумалось понимать и въ смыслѣ того звука, который въ немъ слышится, и въ смыслѣ того значенія, которое оно имѣетъ? *Ад.* Ну представляй уже себѣ, что я понимаю все со стороны лишь того, что имъ обозначается: потому что соглашаюсь съ тобой, что мы рѣшительно не въ состояніи говорить, если только душа наша, услышавъ слова, не перенесется къ тому, знаками чего они служатъ. Укажи же мнѣ теперь, какимъ образомъ могло ввести меня въ обманъ то умозаключеніе, изъ котораго вытекаетъ, что я—не человѣкъ. *Авг.* Напротивъ, я снова хочу спросить тебя о томъ же, чтобы ты самъ нашелъ, въ чемъ погрѣшилъ. *Ад.* Хорошо.

Авг. Впрочемъ, я не стану спрашивать тебя о томъ, о чемъ я спрашивалъ съ самаго начала, такъ какъ ты уже отвѣтилъ мнѣ. Обрати на этотъ разъ побольше вниманія на то, суть ли два слога *чело* иное что нибудь, чѣмъ *чело*, а слогъ *въкз*—иное, чѣмъ *въкз*? *Ад.* Другаго въ нихъ не вижу рѣшительно ничего. *Авг.* Ну, а если эти три слога соединить вмѣстѣ, не выйдетъ ли человѣкъ? *Ад.* Съ этимъ я нибакъ не могу согласиться: вѣдь мы рѣшили и рѣшили правильно, что какъ скоро данъ знакъ обращать вниманіе на то, что имъ обозначается, и соотвѣтственно уже этому или принять, или отвергнуть сказанное. Эти же три слога, произносимые отдѣльно, послышку звучать безъ всякаго значенія, относятся къ тому, что мы рѣшили считать звукомъ.

Ал. Итакъ ты рѣшилъ и твердо держишься того убѣжденія, что спрашивающимъ должно отвѣчать не иначе, какъ только съ точки зрѣнія тѣхъ предметовъ, которые обозначаются словами. *Ад.* Если это—только слова, не понимаю, почему бы и не такъ. *Авл.* Желалъ бы я знать, какъ опровергъ бы ты того человѣка, о которомъ въ шутливой рѣчи приходится слышать, что онъ вывелъ заключеніе, будто изъ устъ того, съ кѣмъ онъ велъ споръ, выскочилъ левъ? Когда онъ спросилъ, дѣйствительно ли то, что мы говоримъ, исходить изъ нашихъ устъ,—тотъ не могъ съ этимъ не согласиться; затѣмъ онъ повелъ рѣчь съ этимъ человѣкомъ такъ, что заставилъ его—что было не трудно—произнести въ разговорѣ имя льва. Когда же это имя было произнесено, онъ началъ насмѣхаться надъ нимъ и нападать на него за то, что онъ, будучи не злымъ человѣкомъ, оказался изблевавшимъ столь лютое животное, поелику согласился, что все, что мы ни говоримъ, исходить изъ нашихъ устъ и поелику не могъ отвертѣться отъ того, что произнесъ имя льва. *Ад.* Опровергнуть этого шутника было бы не трудно: я не согласился бы съ тѣмъ, что все, что только говоримъ мы, исходить изъ нашихъ устъ. Ибо когда мы говоримъ, мы только обозначаемъ то, что говоримъ; и изъ устъ говорящаго исходить не самая обозначаемая вещь, а знакъ, коимъ вещь означаетея, если только—не знакъ другихъ знаковъ, о чемъ разсуждали мы нѣсколько раньше.

Авл. Противъ этого человѣка ты, пожалуй, вооруженъ хорошо; но что отвѣтилъ бы ты мнѣ, если бы я спросилъ тебя: человѣкъ—имя ли? *Ад.* А что же иное, если—не имя? *Авл.* Стало быть, видя тебя, я вижу имя? *Ад.* Нѣтъ. *Авл.* Хочешь ли, чтобъ я сказалъ, что отсюда слѣдуетъ? *Ад.* Объ этомъ я не прошу тебя; потому что и самъ вижу, что я—не человѣкъ, если на твой вопросъ „человѣкъ—имя ли“, я далъ отвѣтъ, что человѣкъ—имя. Вѣдь я прежде еще

рѣшилъ, что слѣдуетъ соглашаться съ тѣмъ, или отрицать то, что говорится, съ точки зрѣнія предмета, который обозначается. *Авг.* Но на мой взглядъ, ты не ошибся, давъ такой отвѣтъ; въ этомъ случаѣ прирожденный нашимъ умамъ законъ разума оказался сильнѣе твоей осмотрительности. Ибо, если бы я спросилъ тебя, что такое человѣкъ, ты, вѣроятно, отвѣтилъ бы, что онъ животное; а если бы я спросилъ, къ какой части рѣчи относится человѣкъ, ты не могъ бы правильно отвѣтить иначе, какъ такъ, что человѣкъ — имя существительное. Поэтому какъ скоро оказывается, что человѣкъ — и имя, и животное, то первое говорится о немъ когда рѣчь идетъ о знакѣ, а послѣднее когда — о предметѣ, который обозначается. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь спросилъ меня: „человѣкъ — имя ли“, — я отвѣтилъ бы — имя, поелику достаточно видно, что спрашивающій желаетъ слышать отвѣтъ въ этомъ именно смыслѣ. А если бы онъ спросилъ меня: „человѣкъ — животное ли“, — я еще скорѣе отвѣтилъ бы, утвердительно; потому что если бы онъ, и умолчавъ объ имени и животномъ, просто спросилъ лишь: „что такое человѣкъ“, — душа наша, руководимая законами рѣчи, прямо остановилась бы на томъ, что обозначается этими тремя слогами; и отвѣтъ данъ былъ бы или такой, что человѣкъ — животное или же въ полномъ опредѣленіи — животное разумное и смертное. Такъ ли и по твоему мнѣнію? *Ад.* Совершенно такъ. Но если мы отвѣтили, что человѣкъ — имя, въ такомъ случаѣ какъ избѣжать намъ того крайне оскорбительнаго вывода, что мы — не люди? *Авг.* А не иначе, разумѣется, какъ сказавъ, что заключеніе это не вытекаетъ изъ того смысла, въ какомъ мы дали утвердительный отвѣтъ на вопросъ. А если онъ скажетъ, что выводить его изъ того же самаго смысла, и въ такомъ случаѣ бояться нечего: ибо чего бояться мнѣ — согласиться, что я — не человѣкъ, т. е. не эти три слога? *Ад.* Вѣрнѣе ска-

зять нельзя ничего. Но почему же, когда говорятъ: „слѣдовательно ты не человѣкъ“,—нашъ духъ оскорбляется, если согласно съ тѣмъ, какъ теперь между нами признано, сказать вѣриѣ нельзя ничего? *Авг.* Потому что когда звучать эти слова, я не могу не думать, чтобы заключеніе это не относилось къ тому, что обозначается этими тремя слогами, въ силу того, имѣющаго естественно наибольшее значеніе, правила, по которому вниманіе наше отъ слышимыхъ знаковъ переносится къ обозначаемымъ ими предметамъ. *Ад.* Согласенъ.

ГЛАВА IX.

Извѣстная вещь, или ея познаніе имѣютъ ли большіе значенія, чѣмъ ея знаки.

Авг. Теперь я желаю, чтобы ты понялъ, что обозначаемые предметы должны быть цѣнными болѣе, нежели ихъ знаки. Ибо все, что только существуетъ ради другаго, необходимо ниже, чѣмъ то, для чего оно существуетъ. Но, быть можетъ, ты думаешь иначе? *Ад.* По моему мнѣнію, необдуманно соглашаться съ этимъ не слѣдуетъ. Когда мы говоримъ напр. *соепит* (*грязъ*), то имя это, думаю я, гораздо превосходнѣе того предмета, который имъ обозначается. Вѣдь то, что въ немъ оскорбляетъ нашъ слухъ, принадлежитъ не самому звуку слова: если въ словѣ *соепит* перемѣнить одну только букву, получится *соелит* (*небо*); а между тѣми предметами, которые обозначаются этими именами, великое различіе. По этому я никогда не приписалъ бы знаку того, что ненавистно намъ въ обозначаемомъ имъ предметѣ; и потому считаю себя въ правѣ предпочесть знакъ предмету: ибо мы охотнѣе слышимъ знакъ, чѣмъ коснемся какимъ либо чувствомъ самаго предмета. *Авг.* Въ высшей степени осмотрительно. Итакъ ложно, что предметы над-

Блаженнаго Августина.

лежить цѣнить выше, чѣмъ ихъ знаки? *Ад.* Повидимому такъ. *Авг.* Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, что, по твоему мнѣнію имѣли въ виду тѣ, которые дали имя столь гнусному и презрѣнному предмету; одобряешь ли ты ихъ, или не одобряешь? *Ад.* Я не смѣю ни одобрять, ни не одобрять ихъ; да и не знаю, что имѣли они въ виду. *Авг.* Не можешь ли, по крайней мѣрѣ, сказать, что имѣешь въ виду самъ ты, когда произносишь это имя? *Ад.* Вполнѣ могу: желая научить человѣка, съ которымъ говорю, и напомнить ему объ этомъ предметѣ, я имѣю въ виду обозначить этимъ именемъ то, чему онъ, по моему мнѣнію, долженъ учиться и что—припомнить себѣ. *Авг.* Ну, а это ученіе или напоминаніе, которое ты съ удобствомъ даешь или получаешь посредствомъ этого имени, не слѣдуетъ ли считать дороже самаго имени? *Ад.* Согласенъ, что знаніе, пріобрѣтаемое посредствомъ знака, должно предпочитать самому знаку; но не думаю, чтобы слѣдовало предпочитать ему и предметъ.

Авг. Итакъ, въ высказанномъ нами положеніи, хотя и ложно то, что все предметы должны быть предпочитаемы ихъ знакамъ, вѣрно однакоже, что все существующее для другаго, ниже, чѣмъ то, для чего оно существуетъ. Такъ, познаніе о грязи (*соепит*), ради котораго придумано это имя, слѣдуетъ считать болѣе важнымъ, чѣмъ самое это имя, которое, въ свою очередь, какъ признано нами, надлежитъ предпочитать грязи. Ибо познаніе это предпочитается знаку, о коемъ мы говорили, не по чему либо другому, какъ потому именно, что не познаніе—убѣждены мы—существуетъ для знака, а наоборотъ, знакъ—для познанія. Такъ, когда какой-то обжора, или, по выраженію ап. Павла, работающій чреву (Римл. XVI, 18), сказалъ, что онъ живетъ для того, чтобы ѣсть: то слышавшій его слова человѣкъ жизни умѣренной не стерпѣлъ и сказалъ: „Гораздо бы лучше было, если бы ты ѣлъ для того, чтобы жить“. Онъ сказалъ это

на основаніи того же правила. Рѣчь перваго не могла по-
правиться не по чему либо иному, какъ потому, что жизнь
свою онъ цѣнилъ столь мало, что считалъ ее ниже удо-
вольствій чрева, когда говорилъ, что живетъ ради пищи.
Съ другой стороны и рѣчь послѣдняго похвальна не по
чему либо иному, какъ потому, что, понимая — что изъ
двухъ ради чего существуетъ, жизнь ли ради питанія, или
наоборотъ, т. е. что изъ нихъ подчинено другому, онъ на-
помнилъ, что скорѣе мы должны ѣсть для того, чтобы
жить, чѣмъ жить для того, чтобы ѣсть. Возможно, что по-
добнымъ же образомъ и ты, и всякій другой изъ числа лю-
дей, умѣющихъ цѣнить вещи, какому нибудь говоруну и
любителю словъ, въ отвѣтъ на его слова: „я учу для того,
чтобы говорить“, — сказалъ бы: „а почему бы тебѣ, другъ
мой, лучше не говорить для того, чтобы учить“? Если
это такъ (а оно, ты знаешь, такъ), то ты вполне пони-
маешь теперь, что слова должны имѣть меньше значенія,
чѣмъ то, для чего мы ихъ употребляемъ; ибо употребленіе
словъ должно быть предпочитаемо самымъ словамъ: слова
существуютъ для того, чтобы мы пользовались ими, а поль-
зуемся мы ими для того, чтобы учить. Слѣдовательно, на-
сколько учить лучше, чѣмъ говорить, настолько говореніе
лучше, чѣмъ слова. Наука, слѣд., гораздо лучше, чѣмъ
слова. Но я желалъ бы слышать возраженія, которыя ты
можешь быть считаешь нужнымъ сдѣлать.

Ад. Я согласенъ, что наука лучше словъ; но не знаю,
нѣтъ ли чего нибудь такого, что можно бы было возразить
противъ правила: „все, что существуетъ ради другаго, ниже
того, для чего существуетъ оно“? Авт. Въ другое время мы
обсудимъ этотъ предметъ съ большимъ удобствомъ и вни-
мательностію; а теперь и того, съ чѣмъ согласился ты, до-
статочно для моей цѣли. Ты вѣдь соглашашься, что по-
знаніе вещей дороже, чѣмъ ихъ знаки. Поэтому познаніе

вещей, обозначаемыхъ знаками, надлежитъ предпочитать познанию знаковъ. Такъ ли и по твоему мнѣнію? Ад. Развѣ я согласился съ тѣмъ, что познание вещей превосходитъ познания знаковъ, а не съ тѣмъ, что оно превосходитъ самыхъ знаковъ? Поэтому я боюсь, что не соглашусь съ тобой и теперь. Въ самомъ дѣлѣ, если имя «грязь» лучше самаго предмета, который оно означаетъ; то почему бы и познание этого имени не предпочесть познанию его предмета, хотя бы самое имя было и ниже этого познания? У насъ на-лицо теперь четыре вещи—имя и предметъ, познание имени и познание предмета. Если первое превосходитъ второго, то почему же и третье не превосходитъ четвертаго? Но положимъ, что и не превосходитъ; развѣ потому уже и слѣдуетъ ставить ниже?

Авг. Вижу, что ты отлично помнишь, съ чѣмъ согласился, и выяснилъ превосходно, что думаешь. Но, полагаю, ты понимаешь, что двухсложное, напр., слово „порокъ“—лучше, чѣмъ то, что имъ обозначается; хотя знаніе самаго имени гораздо ниже, чѣмъ знаніе пороковъ. Представимъ теперь, что ты сопоставишь между собою и степень разсматривать: имя и предметъ, знаніе имени и знаніе предмета: первое мы въ правѣ предпочесть второму. Въ самомъ дѣлѣ, имя это, поставленное въ стихѣ Персея: „но онъ изумился пороку“¹⁾ не только не вноситъ въ стихъ ничего порочнаго, но напротивъ придаетъ ему нѣкоторое украшеніе, хотя самый предметъ, обозначаемый этимъ именемъ, дѣлаетъ порочнымъ того, въ комъ находится. Но не таково отношеніе между третьимъ и четвертымъ: мы находимъ въ этомъ случаѣ, что четвертое преимуществуетъ надъ третьимъ. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе этого имени ничтожно сравнительно

¹⁾ Pers. Satira III. v. 32.

съ знаніемъ пороковъ. *Ад.* Даже и въ томъ случаѣ, когда познаніе это дѣлаетъ насъ несчастнѣйшими, оно, по твоему мнѣнію, должно быть предпочитаемо? Вѣдь тотъ же Персей выше всѣхъ наказаній, которыя или измышляетъ жестокость тирановъ, или несетъ на себѣ ихъ жадность, ставить то одно, которымъ мучатся люди, вынужденные сознавать пороки, коихъ избѣжать не могутъ. *Авг.* Такимъ путемъ ты можешь отрицать и то, что познаніе добродѣтелей слѣдуетъ предпочитать познанію этого имени: поелику знать добродѣтель и не имѣть ея—также мученіе; и тотъ же самый сатирикъ желалъ, чтобы тираны несли такое наказаніе²⁾. *Ад.* Пусть Богъ обережетъ отъ этого безумія! Теперь я понимаю, что не слѣдуетъ винить самыхъ знаній, которыми напояетъ нашъ духъ лучшая изъ всѣхъ наукъ; но слѣдуетъ считать несчастнѣйшими,—какъ, полагаю, считалъ ихъ и Персей,—тѣхъ, которые заражены такою болѣзнію, коей не помогаетъ даже и это врачевство. *Авг.* Ты рассуждаешь хорошо; но какое отношеніе къ намъ имѣетъ мнѣніе Персея? Въ подобныхъ вещахъ мы не подчинямы авторитету такихъ людей. Да наконецъ, слѣдуетъ ли одно изъ этихъ познаній предпочитать другому, въ настоящемъ случаѣ рѣшить нелегко. Для меня достаточно и того, что сдѣлано, именно—что познаніе предметовъ, обозначаемыхъ знаками, если не лучше познанія знаковъ, то лучше, по крайней мѣрѣ, самыхъ знаковъ. Поэтому, рассмотримъ теперь пообстоятельнѣе, что за родъ предметовъ, относительно которыхъ мы сказали, что они могутъ быть указываемы помимо знаковъ, сами собою, какъ напр: говорить, ходить, сидѣть, лежать и проч. *Ад.* Припоминаю о чемъ ты хочешь говорить.

²⁾ Ibid. v. 35—38.

ГЛАВА X.

Можно ли чему нибудь учиться помимо знаковъ. Предметы не изучаются посредствомъ самыхъ словъ.

Авг. Все ли, чѣмъ мы, будучи спрошены о томъ, можемъ немедленно заняться, можетъ быть, по твоему мнѣнію, указано помимо знака, или же ты что нибудь исключашь? *Ад.* Пересматривая съ особеннымъ вниманіемъ весь этотъ классъ предметовъ, я доселѣ не нахожу въ немъ ничего такого, чему можно было бы учиться помимо знака, за исключеніемъ развѣ говоренія и того, если спросить кто нибудь, что значить учить. Въ самомъ дѣлѣ, я вижу, что всему, что ни сталъ бы я дѣлать съ цѣлію научить кого либо, этотъ послѣдній не научится отъ самаго того предмета, который требуетъ онъ показать себѣ. Такъ, если бы меня, когда я ничего не дѣлаю, или дѣлаю что либо другое, спросилъ кто нибудь, что значить ходить; а я, стараясь научить его помимо знака, началъ бы тотчасъ ходить: то всегда буду опасаться, какъ бы не подумалъ онъ, что ходить значить (*двигаться*) столько именно, сколько я ходилъ. А если онъ подумаетъ такъ, введенъ будетъ въ заблужденіе: потому что когда кто нибудь походить болѣе или менѣе, чѣмъ я, онъ будетъ думать, что этотъ не ходилъ. А что сказалъ я объ одномъ этомъ словѣ, то примѣнимо и ко всему, что можетъ быть, какъ думалъ я, указано безъ знака, за исключеніемъ только вышеупомянутыхъ двухъ.

Авг. Пусть такъ; но не представляется ли тебѣ, что иное значить говорить и иное—учить? *Ад.* Конечно, представляется: если бы это было одно и тоже, то училъ бы только тотъ, кто говоритъ; а такъ какъ многому мы можемъ учиться при помощи и иныхъ знаковъ, кромѣ словъ, то кто станетъ сомнѣваться въ различіи между тѣмъ и дру-

гимъ? *Авг.* А учить и обозначать не различаются между собою ничѣмъ, или же различаются чѣмъ нибудь? *Ад.* Думаю, что это одно и то же. *Авг.* А кто говорить, что мы обозначаемъ для того, чтобы учить,—правильно ли говорить? *Ад.* Совершенно правильно. *Авг.* Ну, а если бы другой сказалъ, что мы учимъ для того, чтобы обозначать,—не опровергалось ли бы это предыдущимъ положеніемъ? *Ад.* Это-такъ. *Авг.* Слѣдовательно, если мы обозначаемъ для того, чтобы учить, а не учимъ для того, чтобы обозначать, то иное значить учить и иное—обозначать. *Ад.* Ты говоришь вѣрно,—я не правильно отвѣтилъ, что то и другое—одно и то же. *Авг.* Теперь отвѣтъ мнѣ на слѣдующее: тотъ кто учить тому, что значить учить, дѣлаетъ это при помощи знаковъ, или иначе какъ? *Ад.* Не вижу, какъ иначе онъ могъ бы это дѣлать. *Авг.* Значить, то ложно, что нѣсколько раньше сказалъ ты, т. е. что можно научить безъ знаковъ, когда спрашиваетъ кто, что значить учить: потому что какъ мы видимъ, и этого нельзя дѣлать помимо знаковъ. Самъ ты призналъ, что иное значить обозначать и иное—учить. А если то и другое различно, какъ это оказалось на дѣлѣ, и одно можетъ быть указано только другимъ: то ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть показано само собою, какъ это представилось тебѣ. Слѣдовательно до сихъ поръ еще не найдено ничего, что могло бы быть указано само собою, за исключеніемъ говоренія, которое, означая иное, означаетъ и само себя; но такъ какъ оно и само есть знакъ, то оказывается, что нѣтъ рѣшительно ничего, чему можно бы было научиться безъ знаковъ. *Ад.* Не имѣю основанія не согласиться съ тобою.

Авг. Итакъ, рѣшено, что мы ничему не учимся безъ знаковъ и что само познаніе должно быть для насъ дороже знаковъ, посредствомъ которыхъ мы познаемъ; хотя и не все, что обозначается, можетъ быть лучше своихъ знаковъ.

Ад. Повидимому такъ. *Авг.* А помнишь ли ты, скажи мнѣ, какимъ окольнымъ путемъ мы дошли до такой малости? Вѣдь все, изъ-за чего мы перебрасывались между собою такъ долго словами, ограничивалось тѣмъ, чтобы найти слѣдующія три вещи: дѣйствительно ли нельзя научиться ничему безъ знаковъ; есть ли какіе нибудь такіе знаки, которые слѣдуетъ предпочитать самимъ предметамъ, ими обозначаемымъ; и наконецъ, самое познаніе предметовъ лучше ли знаковъ. Но есть и четвертое, о чемъ я хотѣлъ бы вкратчѣ освѣдомиться у тебя: считаешь ли ты все это, нами найденное, настолько вѣрнымъ, что въ немъ ты уже не можешь сомнѣваться? *Ад.* Было бы желательно, чтобы такими околичностями и извилинами мы достигли несомнѣннаго; но этотъ вопросъ твой, не знаю какимъ образомъ, обезпокоиваетъ меня и заставляетъ опасаться утвердительнаго отвѣта. Мнѣ кажется, ты не спросилъ бы меня объ этомъ, если бы не имѣлъ чего нибудь возразить; да и самая многосложность предметовъ не позволяетъ мнѣ охватить всю совокупность ихъ и отвѣчать съ увѣренностію: я боюсь, не скрывается ли чего нибудь въ этихъ извилинахъ такого, чего взоръ ума моего усмотрѣть не могъ. *Авг.* Твое сомнѣніе встрѣчаю я съ удовольствіемъ; оно означаетъ духъ отнюдь не безразсудный и представляетъ собою величайшую охрану спокойствія. Ибо весьма трудно не прійти въ сильное смущеніе, когда то, что усвоили мы охотно и съ довѣріемъ, распатывается возраженіями съ противоположной стороны и какъ бы вырывается изъ рукъ. Поэтому, какъ хорошо и справедливо уступать благоразумнымъ и разсудительнымъ доводамъ, такъ опасно считать неизвѣстное за извѣстное. Если часто разрушается то, что мы считаемъ весьма прочно обоснованнымъ и имѣющимъ остаться навсегда неизмѣннымъ, то есть основаніе бояться, что мы впадемъ въ состояніе такого умственного отвращенія или страха, что придемъ къ мысли—не вѣрить и въ самую очевидную истину.

Но давай поскорѣе рассмотримъ въ этомъ случаѣ, имѣлъ ли ты основаніе думать, что слѣдуетъ сомнѣваться въ этомъ. Представь себѣ, что человѣкъ, незнакомый съ ловлею птицъ, которая совершается при помощи прутѣвъ и птичьяго клея, встрѣтился съ птицеловомъ, хотя и вооруженнымъ своими снарядами, но еще не ловящимъ птицъ, а идущимъ только на охоту; увидѣвши его, онъ бы остановился и началъ, какъ это бываетъ, съ удивленіемъ размышлять про себя и спрашивать, чтѣ значитъ убранство этого человѣка; а птицеловъ, замѣтивъ устремленное на себя вниманіе и движимый желаніемъ похвастаться, приготовилъ бы свои трости, и замѣтивъ вблизи себя птичку, при помощи дудки и ястреба остановилъ бы ее, привлекъ къ себѣ и поймалъ: спрашивается, не научилъ ли бы онъ своего зрителя, помимо всякихъ знаковъ, а самымъ дѣломъ тому, чтѣ тотъ хотѣлъ знать? *Ад.* Боюсь, не то же ли это самое, что сказалъ я о человѣкѣ, который спросилъ бы, что значитъ ходить. Не думаю, чтобы и здѣсь вполне показано было птицеловство. *Авт.* Отъ этого опасенія тебя освободить не трудно: достаточно съ моей стороны допустить, что онъ былъ настолько понятливъ, что изъ того, чтѣ видѣлъ, вполне уразумѣлъ этотъ родъ искусства; для дѣла достаточно и того, чтобы о нѣкоторыхъ только предметахъ, хотя и не о всѣхъ; и нѣкоторые только люди могутъ пріобрѣтать познаніе безъ знаковъ. *Ад.* Тоже самое могу допустить и я относительно своего: онъ былъ-де настолько понятливъ, что, хотя хожденіе было указано ему нѣсколькими шагами, уразумѣлъ вполне, что значитъ ходить. *Авт.* Изволь, я не только не препятствую этому, а напротивъ помогаю: самъ видишь, что мы оба приходимъ къ одному и тому же выводу, что кое-кто можетъ кое-чему учиться безъ знаковъ и что ложно то, что мы утверждали нѣсколько выше, будто нѣтъ рѣшительно ничего, чтѣ могло бы быть показано безъ зна-

ковъ. Въдѣ не только одно или другое что нибудь изъ указаннаго, а встрѣчаются тысячи предметовъ, которые узнаются сами собою безъ всякаго знака. Изъ-за чего же, скажи на милость, мы будемъ сомнѣваться? Не говорю уже о тѣхъ безчисленныхъ зрѣлищахъ, которыя представляютъ во всѣхъ театрахъ люди самымъ дѣломъ, безъ всякихъ знаковъ;—это солнце и этотъ свѣтъ, все наполняющій и все украшающій, эту луну и прочія свѣтила, эту землю, моря и все въ нихъ раждающееся безъ числа,—все это не показываетъ ли созерцающимъ Богъ и природа непосредственно, какъ оно есть само по себѣ?

А если всмотрѣшься въ это внимательнѣе, то, быть можетъ, ты не найдешь и ничего такого, что узнается посредствомъ знаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда дается знакъ, этотъ знакъ не можетъ научить меня ничему, если я не знаю, какого предмета служить онъ знакомъ; а если знаю, то чему я учусь при его помощи? Когда я читаю: «и сарабаллы ихъ не измѣнились» (Дан. III, 94), то слово это не даетъ мнѣ видѣть того предмета, который оно означаетъ. Ибо если этимъ именемъ обозначаются нѣкотораго рода головныя покрывала, то, слыша это слово, обучаюсь ли я тому, что такое голова, или тому, что такое покрывала, если раньше не знаю этихъ предметовъ? Представленіе о нихъ пріобрѣтается мною не тогда, когда я слышу о нихъ отъ другихъ, а когда вижу ихъ самъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда три слога слова: «голова», въ первый разъ касаются моего слуха, я такъ-же мало знаю, что они означаютъ, какъ и то, когда въ первый разъ слышу или прочитываю слово «сарабаллы». Но когда часто говорятъ слово «голова», то, замѣчая и соображая, въ какомъ случаѣ оно произносится, я открываю, что это—названіе предмета, который мнѣ давно весьма извѣстенъ. Пока же я не открылъ этого, слово это было для меня только звукомъ; а что оно—и знакъ, это я

узналъ, когда открылъ, какого предмета оно служить знакомъ; а открылъ я это, какъ замѣтилъ я, не по значенію, а посредствомъ наблюденія. Такимъ образомъ мы скорѣе узнаемъ знакъ послѣ того, какъ узнаемъ предметъ, чѣмъ узнаемъ предметъ по данному знаку.

Чтобы яснѣе понять это, вообрази себѣ, что мы въ первый разъ слышимъ слово «голова», и не зная, звукъ ли это только, или же имѣетъ и значеніе какое нибудь, спрашиваемъ, что значить голова (помни, что мы желаемъ имѣть представленіе не о предметѣ обозначаемомъ, а о самомъ знакѣ, котораго мы совершенно не понимаемъ, пока не знаемъ, знакомъ чего онъ служить): и вотъ, когда мы задаемъ такой вопросъ, намъ указали бы на самый предметъ пальцемъ; увидѣвъ предметъ, мы получили бы познаніе и о знакѣ, который раньше слышали только, но не знали. Но послѣку въ этомъ знакѣ двѣ стороны—звукъ и значеніе, то звукъ воспринимаемъ мы не посредствомъ знака, а тѣмъ самымъ, что онъ поражасть слухъ, значеніе же уразумѣваемъ, когда видимъ предметъ обозначаемый. Ибо указаніе пальцемъ можетъ означать не что иное, какъ то, на что оно направлено; а направлено оно не на знакъ, а на ту часть тѣла, которая называется головою. Такимъ образомъ, посредствомъ указанія пальцемъ я не получаю познанія ни о предметѣ, который зналъ раньше, ни о знакѣ, на который указаніе пальцемъ не простирается. Впрочемъ, я не придаю большой важности указанію пальцемъ, потому что оно представляется мнѣ скорѣе знакомъ указанія, въ родѣ нарѣчія — «вотъ», чѣмъ знакомъ какихъ либо указываемыхъ предметовъ: обыкновенно къ указанію пальцемъ мы присоединяемъ и это нарѣчье, считая одного указанія пальцемъ недостаточнымъ. Я стараюсь преимущественно о томъ, чтобы убѣдить тебя, если смогу, что при помощи знаковъ, называемыхъ словами, мы не научаемся ничему; ибо, какъ я

сказаль, скорѣе силу слова, т. е. значеніе, которое скрывается въ звукѣ, мы узнаемъ, узнавши самый обозначаеый предметъ, нежели получаемъ представленіе о предметѣ при помощи этого значенія.

Что сказано мною о головѣ, тоже самое скажу я о покрывалахъ и о другихъ безчисленныхъ предметахъ. Хотя бы я и зналъ ихъ, сарабаллъ я все же еще не знаю. Если бы кто нибудь или жестомъ обозначилъ мнѣ ихъ, или нарисовалъ, или указалъ на нѣчто такое, на что онѣ похожи, — я не скажу, что онѣ не научилъ бы меня: я понялъ бы этотъ предметъ безъ особаго труда, если бы захотѣлъ поболѣе поговорить; но я говорю, что ближайшее понятіе о предметѣ я получилъ бы не изъ словъ его. Также точно, какъ если бы онѣ находились на лицо, я стоялъ вмѣстѣ съ нимъ, и онѣ указалъ бы мнѣ на нихъ, говоря: «вотъ сарабаллы»; я получилъ бы познаніе о неизвѣстномъ мнѣ предметѣ не посредствомъ сказанныхъ словъ, а посредствомъ взгляда на предметъ, при помощи котораго я узналъ бы и усвоилъ, что значить это имя. Ибо, какъ скоро изучаю я самый предметъ, то довѣряю не чужимъ словамъ, а собственнымъ глазамъ; довѣряю, пожалуй, и чужимъ словамъ, но лишь настолько чтобы обратить свое вниманіе, т. е. посредствомъ осмотра изслѣдовать то, что вижу.

ГЛАВА XI.

Мы учимся не посредствомъ словъ, внѣшнимъ образомъ звучащихъ, а отъ онутреннимъ образомъ учащей истины.

Значеніе словъ не простирается далѣе этого. Они если приписать имъ даже самое большее, только, убѣждаютъ насъ изслѣдовать предметы, но не доставляютъ познанія о нихъ. Учитъ меня чему либо тотъ, кто представляетъ или глазамъ или другому какому либо тѣлесному чувству, или же са-

тому уму то, что я хочу познать. При посредствѣ же словъ мы учимся только словамъ, даже только звуку, треску словъ; ибо, если то, что не есть знакъ, не можетъ быть словомъ, то я хотя и слышу слово, не знаю однакожъ, что оно—слово, пока не узнаю, что оно значить. Слѣдовательно, познаніе словъ пріобрѣтается послѣ того уже, какъ познаются предметы; по одному же слуху не научаемся даже и словамъ. Ибо мы не изучаемъ тѣхъ словъ, которыя знаемъ; а если мы ихъ не знаемъ, не можемъ сbazать, что мы ихъ изучили, если не усвоили себѣ ихъ значенія; значеніе же усволяется не тѣмъ, что мы слышимъ издаваемые звуки, а познаніемъ предметовъ обозначаемыхъ. Мнѣніе весьма вѣрное и говорится весьма правильно, что, когда произносятся слова, мы или знаемъ, что они значать, или не знаемъ: если знаемъ, то мы скорѣе припоминаемъ, чѣмъ учимся; если же не знаемъ, то и не припоминаемъ, а побуждаемся, пожалуй, къ исканію этого значенія.

Такъ, если бы, ты сказалъ, что хотя познаніе о тѣхъ головныхъ покрывалахъ, имя которыхъ для насъ не болѣе какъ—звукъ, мы можемъ имѣть дѣйствительно только въ томъ случаѣ, когда ихъ увидимъ, и что самое имя это мы вполне узнаемъ лишь узнавъ самую покрывала: однако же тому, что извѣстно намъ о самихъ отрокахъ, какъ они вѣрою и благочестіемъ побѣдили, какія хвалы воспѣли Богу, какія почести заслужили отъ своего врага, мы научились не иначе, какъ посредствомъ словъ, то я отвѣчу тебѣ, что мы уже имѣли понятіе о всемъ, что этими словами обозначается. Ибо что такое три отрока, что такое печь, огонь, царь, наконецъ—что такое невредимые отъ огня, и вообще все, что этими словами обозначается, я уже зналъ и прежде. Ананія же, Азарія и Мисаиль для меня также неизвѣстны, какъ и сарабаллы; и познанію о нихъ не помогаютъ, да и

не могут помочь имена ихъ. Признаюсь, что я скорѣе вѣрю, чѣмъ знаю, что все разсказываемое въ этой исторіи такъ тогда и происходило, какъ описано. Это различіе не было безызвѣстно и тѣмъ самимъ, кому мы вѣримъ. Ибо пророкъ говоритъ: *еще не увѣрите, ниже имате разумѣти* (Исаи, VП, 9). Этого онъ не сказалъ бы, если бы, по его представленію, между тѣмъ и другимъ не было никакого различія. Итакъ, чтó я разумѣю, тому и вѣрю; но не все, чему я вѣрю, то и разумѣю. Все, что я разумѣю, то я знаю; но не все то знаю; чему вѣрю. Я знаю, какъ полезно вѣрить многому и такому, чего не знаю; къ области этого полезнаго отношу я и эту исторію о трехъ отрокахъ. Поэтому, хотя многихъ предметовъ я и не могу знать, однако знаю какъ полезно вѣрить имъ.

О всемъ, постижимомъ для насъ, мы спрашиваемъ не у того говорящаго человѣка, который виѣшнимъ образомъ произносить звуки, а у самой, внутренно присущей нашему уму, истины, побуждаемые къ тому, пожалуй, словами. Сей, у кого мы спрашиваемъ и кто насъ учитъ, есть обитающій во внутреннемъ человѣкѣ Христосъ (Еф. III, 16. 17), т. е. непреложная Божія сила и вѣчная премудрость; хотя къ ней обращается съ вопросами и всякая разумная душа, она открывается однакоже каждому изъ насъ лишь настолько, насколько онъ въ состояніи принять то, смотря по своей худой или доброй волѣ. И если иногда мы ошибаемся, происходитъ то не по винѣ этой учащей истины; такъ точно, какъ не по винѣ этого виѣшняго свѣта бываетъ, что тѣлесные наши глаза часто ошибаются. Въ дѣйствительности и къ этому свѣту мы обращаемся относительно видимыхъ предметовъ для того, чтобы онъ показалъ ихъ намъ, насколько мы въ состояніи видѣть ихъ.

ГЛАВА XII.

Истина—Христосъ учитъ внутреннимъ образомъ.

Если же относительно цвѣтовъ мы обращаемся за свѣденіями къ свѣту, а относительно остальнаго, ощущаемаго нашимъ тѣломъ—къ стихіямъ этого міра, къ тѣмъ же тѣламъ, которыя ощущаемъ, и къ самымъ чувствамъ, которыми, какъ истолкователями, нашъ умъ пользуется для познанія этихъ предметовъ; относительно же всѣхъ предметовъ умственныхъ—къ внутренней истинѣ: то на что можно было бы указать еще, откуда бы видно было, будто мы научаемся словами чему нибудь, кромѣ самаго поражающаго нашъ слухъ, звука? Ибо все, что познаемъ, мы познаемъ или тѣлеснымъ чувствомъ, или умомъ. Первое называется чувственнымъ, послѣднее—умственнымъ, или, говоря языкомъ нашихъ писателей, первое—тѣлеснымъ, послѣднее—духовнымъ. Когда насъ спрашиваютъ о перваго рода предметахъ, мы даемъ отвѣтъ, когда у насъ—на-лицо то, что мы ощущаемъ, какъ тогда напр., когда мы смотримъ на только-что родившуюся луну, и у насъ спрашиваютъ, какова луна, или гдѣ она. Въ этомъ случаѣ спрашивающій насъ, если самъ не видитъ предмета, вѣрить (нашимъ) словамъ, а часто и не вѣрить; но ни въ какомъ случаѣ не учится, если только не видитъ и самъ того, о чемъ говорятъ ему; а если видитъ, то учится уже не посредствомъ звучащихъ словъ, а посредствомъ самыхъ предметовъ и чувствъ. Ибо для видящаго слова звучатъ также, какъ звучали бы они и для невидящаго. Но если насъ спрашиваютъ не о томъ, что мы ощущаемъ передъ собою, а о томъ, что ощущали когда-то,—въ такомъ случаѣ мы говоримъ уже не о самыхъ предметахъ, а объ образахъ, впечатлѣвшихся и сохраняющихся въ памяти: какимъ образомъ въ этомъ случаѣ мы выдаемъ за истинное то, что сами считаемъ за ложное, и

рѣшительно не знаю,—развѣ только утверждаемъ, что мы этого не видимъ и не ощущаемъ, но видѣли и ощущали. Такимъ образомъ, сохраняющіеся въ нашей памяти образы предметовъ, раньше подлежащихъ нашему ощущенію, представляютъ намъ собою нѣкотораго рода документы, созерцаемая мысленно которые, мы не лжемъ, коль скоро говоримъ по чистой совѣсти; но они—документы для насъ только: ибо, если слушающій насъ самъ ощущалъ и находился при томъ, о чемъ мы говоримъ ему, онъ не учится тому на основаніи моихъ словъ, а припоминаеть, воспроизводя самъ про себя образы; если же оно его ощущенію не подлежало, то кто не пойметъ, что онъ въ этомъ случаѣ скорѣе вѣрить словамъ, чѣмъ учиться?

Когда же рѣчь идетъ о предметѣ, который мы созерцаемъ умомъ, т. е. разсудкомъ и разумомъ, то хотя мы говоримъ о томъ, что созерцаемъ, какъ присущее, во внутреннемъ свѣтѣ истины,—свѣтѣ, коимъ просвѣщается и улаживается, такъ называемый, внутренний человекъ: однако и въ этомъ случаѣ слушающій насъ, если онъ и самъ видитъ этотъ предметъ сокровеннымъ и простымъ окомъ, познаетъ, о чемъ я говорю ему посредствомъ собственного созерцанія, а не посредствомъ моихъ словъ. Такимъ образомъ и его, созерцающаго истину, я не учу, когда говорю истину: ибо онъ учится не отъ моихъ словъ, а самими вещами, ясными для него по внутреннему откровенію Божію; слѣдовательно, будучи спрошенъ объ этомъ, можетъ отвѣчать и самъ. А что можетъ быть нелѣпѣе мнѣнія, будто своею рѣчью я научу того, который, прежде чѣмъ я стану говорить, можетъ сказать тоже самое, если его спросить? Ибо то, что спрашиваемый, какъ случается часто, сперва отрицаетъ что нибудь, а потомъ рядомъ вопросовъ вынужденъ бываетъ это признать, то происходитъ отъ слабости умышленнаго взора спрашиваемаго, который не въ состояніи разомъ

обнять въ томъ свѣтѣ цѣлаго предмета; почему его и заставляють дѣлать это по частямъ, когда спрашиваютъ объ этихъ самыхъ частяхъ, изъ коихъ слагается то цѣлое, котораго онъ не въ состояніи былъ обнять своимъ взоромъ за одинъ разъ. Если къ этому онъ приводится и словами спрашивающаго, то слова не учатъ его, а примѣняютъ къ изслѣдованію такіе приемы, посредствомъ которыхъ спрашиваемый способенъ научиться внутренно. Такъ, если бы я спросилъ тебя о томъ самомъ, о чемъ мы разсуждаемъ теперь съ тобою, именно—неужели при помощи словъ нельзя научиться ничему? Будучи не въ состояніи на первыхъ порахъ обнять этого предмета въ цѣломъ, ты нашелъ бы это нелѣпнымъ.—Тогда, чтобы силы твои оказались способными слушать внутренно онаго учителя, я долженъ былъ бы спрашивать тебя, и сказалъ бы: Откуда ты научился тому, что признаешь въ моихъ словахъ истиннымъ, въ чемъ увѣренъ, и о чемъ утверждаешь, что знаешь то? Допустимъ, ты отвѣтилъ бы, что этому научилъ тебя я. Тогда я прибавилъ бы: Ну, а еслибы я сказалъ тебѣ, что видѣлъ летающаго человѣка; слова мои убѣдятъ ли тебя такъ, какъ если бы ты услышалъ, что умные люди лучше глупыхъ? Ты конечно отвергъ бы это и отвѣчалъ, что первому не вѣришь, а еслибы и повѣрилъ, то не знаешь этого; послѣднее же знаешь несомнѣннѣйшимъ образомъ.—Уже изъ одного этого ты долженъ конечно понять, что моими словами ты не могъ научиться ни первому, чего ты, когда я утверждалъ, не зналъ, ни послѣднему, что зналъ очень хорошо; потому что и послѣ того, какъ я спросилъ тебя порознь о томъ и другомъ, ты поклялся бы, что первое тебѣ неизвѣстно, а послѣднее ты знаешь. Послѣ этого ты признаешь и все то, что ты отрицалъ въ цѣломъ, такъ какъ частности, изъ которыхъ оно слагается, и на твой взглядъ будутъ несомнѣнными и ясными, именно: слушающій насъ

Блаженнаго Августина.

или не знаетъ, истинно ли то, что мы говоримъ; или знаетъ, что оно ложно; или наконецъ знаетъ, что оно истинно. Въ первомъ изъ этихъ трехъ случаевъ онъ или вѣритъ, или раздумываетъ, или сомнѣвается относительно нашихъ словъ; во второмъ противится имъ, или отвергаетъ ихъ; въ третьемъ—подтверждаетъ ихъ: слѣдовательно не учится ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ случаѣ. Поелику и тотъ, кто и послѣ нашихъ словъ не знаетъ предмета, и тотъ, кто знаетъ, что услышалъ отъ насъ ложное, и наконецъ тотъ, кто, будучи спрошенъ, самъ могъ бы отвѣтить тоже самое, что сказано нами,—все они, очевидно, при помощи нашихъ словъ не научились ничему.

ГЛАВА XIII.

Посредствомъ словъ не открывается даже и душа говорящаго.

Поэтому и относительно тѣхъ предметовъ, которые созерцаются умомъ, тотъ напрасно слушаетъ слова созерцающаго, кто самъ созерцать этихъ предметовъ не можетъ; и если не напрасно, то потому только, что подобнымъ предметамъ полезно вѣритъ и не зная ихъ. А кто въ состояніи созерцать, тотъ—внутренно ученикъ истины, вѣнше—судья говорящаго, или лучше—судья самой рѣчи. Ибо весьма часто онъ знаетъ, о чемъ говорится, между тѣмъ какъ самъ говорящій не знаетъ того, что сказалъ. Такъ, если бы кто нибудь, слѣдуя эпикурейцамъ и считая душу смертною, началъ развивать тѣ доводы, которые приводятся въ защиту ея безсмертія, въ слухъ такого человѣка, который можетъ созерцать духовное; послѣдній подумалъ бы, что тотъ говоритъ правду, между тѣмъ какъ говорящій не знаетъ, правду ли онъ говоритъ, а пожалуй считаетъ даже свои слова въ высшей степени ложными: не слѣдуетъ ли

въ такомъ случаѣ думать, что онъ учить тому, чего не знаетъ самъ? А вѣдь онъ пользуется тѣми же самыми словами, которыми могъ бы пользоваться и знающій.

Такимъ образомъ на долю словъ не остается даже и того, чтобы ими обнаруживалась по крайней мѣрѣ душа говорящаго, такъ какъ остается неизвѣстнымъ, знаетъ ли она то, что говорить. Прибавъ къ этому лгуновъ и обманщиковъ, на примѣрѣ которыхъ ты легко увидишь, что слова не только не отерываютъ, но даже скрываютъ душу. Я нисколько не спору, что слова людей правдивыхъ направлены и нѣкоторымъ образомъ обязываютъ къ тому, чтобы душа говорящаго вынаруживалась; при общемъ согласіи они достигли бы этой цѣли, если бы не дозволялось говорить лгунамъ. Хотя мы часто испытывали и на себѣ, и на другихъ, что слова произносятся не о тѣхъ предметахъ, о которыхъ мы думаемъ. Это, по моему мнѣнію, можетъ случаться двояко: или когда изъ устъ нашихъ выливается рѣчь, заученная на память и часто вертящаяся на языкѣ, — выливается въ то время, когда мы думаемъ о другомъ: что случается съ нами часто во время пѣнія гимна; или же когда одни слова срываются съ языка вмѣсто другихъ, противъ нашей воли, по ошибкѣ языка: ибо и въ этомъ случаѣ слышатся знаки не тѣхъ предметовъ, которые мы имѣемъ въ виду. Что же касается лгуновъ, то они думаютъ о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ говорятъ, такъ что, хотя мы и не знаемъ, правду ли они говорятъ, знаемъ, однако, что они имѣютъ въ виду то именно, о чемъ говорятъ; если только съ ними не бываетъ одного изъ двухъ, мною указанныхъ, случаевъ (если бы кто сталъ утверждать, что иногда случается, и когда случается, обнаруживается ясно, я отвергать не буду, хотя часто это вовсе не ясно, и часто вводило меня въ заблужденіе).

Но въ этомъ двумъ случаямъ присоединяется еще одинъ,—случай, весьма часто встрѣчающійся и служащій сѣменемъ безчисленныхъ разногласій и споровъ, именно—когда говорящій хотя и обозначаетъ то, о чемъ онъ мыслить, но весьма часто только для себя и для нѣкоторыхъ другихъ; для того же, съ кѣмъ говоритъ, а равно для многихъ другихъ обозначаетъ нѣчто иное. Такъ, если бы кто нибудь сказалъ въ нашемъ присутствіи, что человѣкъ превосходитъ нѣкоторыхъ животныхъ доблестію, мы не могли бы потерпѣть этого и отвергли бы столь ложное и вредное мнѣніе съ крайнимъ негодованіемъ; между тѣмъ онъ, быть можетъ, доблестію называетъ тѣлесныя силы, и этимъ терминомъ выражаетъ именно то, о чемъ онъ думаетъ,—не лжетъ, не заблуждается въ предметѣ, не спутываетъ хранящихся въ памяти словъ, думая о чемъ либо другомъ, не высказываетъ наконецъ по ошибкѣ языка чего либо иного, чѣмъ то, о чемъ думаетъ, а только лишь называетъ предметъ, о которомъ, думаетъ, инымъ, чѣмъ мы, именемъ. Мы и согласились бы съ нимъ тотчасъ же, еслибы могли усмотрѣть мысль его, которую онъ не былъ въ состояніи уяснить намъ произнесенными имъ словами и въ высказанномъ предложеніи. Говорятъ, что подобную ошибку можетъ устранить опредѣленіе; такъ, если бы въ настоящемъ случаѣ было сдѣлано опредѣленіе, что такое доблестъ, то оказалось бы, говорятъ, что споръ касается не предмета, а словъ. Съ этимъ, пожалуй, я согласенъ; но развѣ можно считать каждого умѣющимъ дѣлать хорошія опредѣленія? Притомъ относительно науки дѣлать опредѣленія было много споровъ, разбирать которые въ настоящемъ случаѣ не благовременно; да я ихъ вообще и не одобряю.

Не говорю уже о томъ, что многое мы не вполне разслушиваемъ, и долго и много споримъ о немъ, какъ о такомъ, что слышали. Такъ недавно, когда я назвалъ какимъ-

то пуническимъ словомъ милосердіе, ты замѣтилъ, что словомъ этимъ, какъ слышалъ ты отъ лицъ лучше знающихъ этотъ языкъ, обозначается благочестіе; я не соглашался съ тобою, настаивая, что ты забылъ то, что слышалъ: мнѣ показалось, что ты сказалъ не „благочестіе“, а „вѣра“, хотя ты сидѣлъ возлѣ меня и эти два имени ни въ какомъ случаѣ не могли обмануть моего слуха сходствомъ звука. При этомъ я долго былъ того мнѣнія, будто ты не знаешь, что тебѣ было сказано, хотя я самъ не зналъ того, что ты сказалъ. Если бы я вполнѣ тебя разслушалъ, то мнѣ ни въ какомъ случаѣ не показалось бы нелѣпнымъ, что милосердіе и благочестіе на пуническомъ языкѣ называются однимъ и тѣмъ же словомъ. Такъ случается весьма часто; но мы это, какъ сказалъ я, обойдемъ молчаніемъ, чтобы не показалось, будто мы порицаемъ слова изъ-за несправивости слушающаго, даже изъ-за глухоты людей. Меня заботятъ болѣе прежде указанные мною случаи, когда мы не въ состояніи бываемъ понять мысли людей, говорящихъ словами, ясно воспринимаемыми нашимъ слухомъ,—словами латинскими, которыми мы и сами говоримъ.

Но вотъ я допускаю и соглашаюсь, что, когда слова воспринимаются слухомъ человѣка, которому они извѣстны, ему можетъ быть извѣстно и то, что думаетъ говорящій о предметахъ, обозначаемыхъ этими словами: узнаетъ ли онъ въ силу этого и то, чего мы теперь доискиваемся, именно—истину ли онъ сказалъ?

ГЛАВА XIV.

*Христосъ учитъ внутренно, а человекъ напоминаетъ
внѣшнимъ образомъ словами.*

Съ тою ли цѣлію занимаются учителя преподаваніемъ, чтобы воспринимались и усваивались ихъ мысли, а не тѣ науки,

которыя они считаютъ себя обязанными преподавать посредствомъ слова? Ибо, кто же настолько неразумно любопытенъ, чтобы послать своего сына въ школу съ цѣлію, дабы онъ узналъ о томъ, что думаетъ учитель? Но когда они, при помощи словъ, преподали всѣ тѣ науки, обученіе которымъ они приняли на себя,—науки о добродѣтели и мудрости,—тогда такъ называемые ученики отдають сами себѣ отчетъ, истинно ли то, что имъ сказано, созерцая т. е. внутреннюю истину сообразно съ своими способностями. Значить, они тогда собственно учатся, и когда внутренне откроютъ, что сказанное истинно, хвалятъ, не подозрѣвая, что хвалятъ не учителей, а скорѣе наученныхъ; если впрочемъ и тѣ знаютъ, что говорятъ. Обманываются же люди, называя учителями тѣхъ, которые совсѣмъ не учителя, потому что по большей части между моментомъ говоренія и моментомъ познанія не бываетъ никакого промежутка; и такъ какъ внутреннее наученіе является вслѣдъ же за напомниманіемъ говорящаго, то и кажется, будто учатся совнѣ, отъ того, кто напомнималъ.

Но о пользѣ словъ вообще, которая, если хорошенъко разсмотримъ ее, не мала, мы поразсудимъ, если Богъ поможетъ, въ другое время. Теперь же я старался убѣдить тебя, что мы не должны приписывать словамъ значенія больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, дабы мы не вѣрили только, но и понимали, насколько истинно сказано въ божественномъ писаніи, чтобы мы не называли на землѣ учителемъ никого, поелику одинъ есть Учитель всѣхъ на небесахъ (Мѣ. XXIII, 8 — 10). А что такое—на небесахъ, этому научить насъ Самъ Онъ, Который и чрезъ людей напомнимаетъ намъ внѣшнимъ образомъ, знаками, дабы, обращаясь къ Нему, мы научались внутренне. Любить и знать Его составляетъ блаженную жизнь, о которой всѣ кричатъ, что ищутъ ее, но не многіе могутъ радоваться, что нашли ее

дѣйствительно. Но я желалъ бы, чтобъ ты сказалъ мнѣ теперь, какъ ты думаешь о всей этой моей рѣчи? Если то, что мною сказано, ты признаешь истиннымъ, и будучи спрошенъ о каждой мысли въ отдѣльности, скажешь, что знаешь это: то ты знаешь теперь, кто научилъ тебя тому; во всякомъ случаѣ—не я, на чьи вопросы ты все отвѣчалъ. Если же не признаешь, то не научимъ тебя ни я, ни Онъ; я—потому, что и вообще не могу учить; Онъ—потому, что ты еще не въ состояніи учиться. *Ад.* Изъ твоихъ словъ я узналъ, что слова только располагаютъ человека учиться, и что рѣдко бываетъ, чтобы въ словахъ ясно была видна мысль говорящаго; а истинно ли говорить тотъ или другой, этому научаетъ меня единственно Тотъ, Который, какъ Онъ убѣждаетъ меня въ томъ, живетъ во мнѣ внутренно, хотя говорить и внѣшнимъ образомъ. При Его же помощи я буду любить тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ долѣе буду учиться. Твоему же краснорѣчію, которымъ ты отличаешься постоянно, я благодаренъ особенно за то, что оно предусмотрѣло и разрѣшило всѣ возраженія, какія я готовъ былъ представить; тобою не пропущено ничего, что наводило на меня сомнѣніе, на что и тотъ таинственный голосъ не давалъ мнѣ такого отвѣта, въ какомъ увѣряли меня твои слова.

ОГЛАВЛЕНІЕ

2 ЧАСТИ

Твореній Блаженнаго Августина.

СТР.

I. Противъ академиковъ, три книги	1—104
II. О жизни блаженной, одна книга	105—138
III. О порядкѣ, двѣ книги	139—226
IV. Монологовъ, двѣ книги	227—298
V. О безсмертіи души, одна книга	299—326
VI. О количествѣ души, одна книга	327—418
VII. Объ учителѣ, одна книга	419—473

